

НИКЛАС ЛУМАН

Мировое время и история систем

*Об отношениях между временными
горизонтами и социальными структурами
общественных систем*

I

Наивное отношение человека к собственной истории рефлексия может пресечь различными способами. Одна такая возможность состоит в том, чтобы смотреть на прошлое как на специальную предметную область, ставя вопрос об условиях ее познания. Тот, кто хочет сциентифицировать познание, не считаясь с памятью, может ставить в этой перспективе и вопрос об условиях, в которых такое познание имеет научный статус — в силу того, что результаты исторического исследования достигают порога интересубъективной значимости. Если избрать такую «эпистемологическую» перспективу, можно считать делом решенным, что прошедшее — это то, что было, и, далее, что из всего объективно-прошлого можно выделить темы, пригодные для исследования с точки зрения интересов познания. Можно допустить идеологическую аберрацию таких интересов познания (с ударением на *познании!*) и с большим или меньшим оптимизмом считать ее устранимой. Тогда социальная история в качестве научной дисциплины будет заниматься познанием социальных структур и процессов прошлого. Для оценки взаимосвязей и помощи в селекции она может привлекать социологические теории, ныне признанные и на деле доказавшие свой исследовательский статус. В этом смысле в историческом исследовании могут использоваться, скажем, теории взаимосвязей между дифференциацией общества, автономией подсистем и символической генерализацией¹.

Возможность и право поступать именно так здесь оспариваться не будут. Но все же нельзя не признать, что при этом будут обойдены обширные проблемные области, которые ведь тоже входят в компетенцию социологической теории. Эти области затрагивают социальные условия конституиру-

ющих принципов эпохи и истории. Конституирование темпоральных модальностей и селекция того, что приобретает в них значимость, — не только вопрос познания: они имеют место уже в самом предмете. Это нужно признать, если мы согласны с тем, что предмет социологического, равно как и социально-исторического исследования составляют осмысленные, автоселективные человеческие переживания и действия, которым свойственна возможность рефлексии над собственной селективностью. В той мере, в какой социологическая теория имеет дело с проблемой смысла², темпоральность становится конституирующим измерением ее предмета и больше не может рассматриваться только как условие познания этого предмета.

Вероятно, историческое исследование сможет освободиться от «исторического сознания» своего предмета — общества, которое оно исследует, словно унаследовав древнюю, пронизывающую все эпохи *omniscientia Dei*^{3*}. Как бы там ни было, путь туда дальний и проходимый лишь в том случае, если прежде будет подвергнута анализу темпоральность предмета, — тогда можно будет узнать, от чего и как следует при случае абстрагироваться.

В социологии, конечно, стало общим местом, что в разных социальных системах имеются и разные типы сознания времени, зависящие от социальных структур этих систем⁴. Это положение разрабатывается прежде всего в отношении темпа временного потока, ограниченности временных ресурсов и широты временного горизонта для действия — стало быть, главным образом, в отношении экономических или «гражданских» аспектов времени. Но все это в лучшем случае частные аспекты общей проблемы времени. Помимо того, в теории гражданского общества со времен *Гегеля* и главным образом после *Маркса* обсуждается историчность актуального на данный момент состояния общественного сознания и способов его рефлексии, но тут — еще без четкой дифференциации теоретико-познавательных постановок вопроса⁵. Наши нижеследующие рассуждения преследуют цель объединить эти разрозненные элементы с помощью максимально отвлеченных системно-теоретических постановок вопроса. Нужно будет показать, что социальные системы конституируют время, временные горизонты и определенные способы истолкования темпоральных акцентов — и как это происходит. При этом слово «конституировать» будет пониматься не в значении «создавать, устанавливать» или «творить из ничего», а в значении «осмысленно предоставлять в распоряжение в качестве условия повышения или снижения уровня сложности».

Мы ограничимся здесь рассмотрением временного горизонта прошлого. Рассмотрение — с таких же системно-теоретических позиций — конституирования возможного будущего нуждается в дополнительном анализе.

II

Исходя из теории систем, можно прежде всего иначе, чем это было принято доселе, различать переживание и действие. Под переживанием мы пони-

* Божье всеведение (лат.). Здесь и далее примечания, обозначенные звездочками, принадлежат переводчику. — Прим. ред.

маем доступный самонаблюдению процесс сознания, если его селективность соотносится не с системой селекции, а с ее средой⁶. Соотнесение с селективностью (а, значит, и конституирование переживания и действия) возможно лишь на основе контролируемого сознанием и стабилизированного контраста. Таковой требует одновременного наличия (как минимум) двух уровней – к примеру, возможного и действительного, актуального и неактуального, известного и неизвестного и т. д. Назовем эту симультанность двух уровней *модализацией* процесса селекции; значит, тут имеется в виду удержание в наличии того второго уровня, который придает процессу селекции его селективный характер.

Исходя из этих предварительных соображений, мы можем назвать актуальное переживание времени, указывающее на неактуальные временные горизонты, модализацией актуального переживания⁷. Высказывания о прошлом – это, к примеру, актуальное высказывание в модусе прошедшего. Иными словами, можно модализировать переживание так, чтобы его содержания удержали общий характер прошлого. Наряду с темпоральными модализациями существует множество других форм модализации – к примеру, эпистемологическая, относящаяся к познанию; или POSSIBILITY-содержащая, относящаяся к совокупности возможностей; или социальная, касающаяся соотношений с актами селекции. В ходе классической дискуссии о модальностях, относившей модализации сперва к онтологически истолкованной логике, затем к языку, затем к условиям познания, не удалось достичь полного аналитического размежевания и балансировки этих различных видов модализации⁸. Тем самым отсутствует и достаточно абстрактное и в то же время достаточно эффективное понятие модальности, т. е. понятие, с помощью которого мы могли бы понимать темпоральность как «дело о...»^{*}. В этом случае могли бы оказаться полезными системно-теоретические соображения.

Место для первого шага на этом пути расчистил *Толкотт Парсонс*. Его знаменитая схема проблем системы (adaptation, goal attainment, integration, latent pattern maintenance^{**}) предполагает наличие в конструкции двух осей. Одна из них выражает контраст между системой и средой, другая – временная ось, разделенная на две части в соответствии с различием между настоящей и будущей реализацией. За этим кроется, как недавно было показано⁹, фундаментальное положение, что *дифференциация системы и среды порождает темпоральность*, поскольку исключает постепенное, пункт за пунктом коррелирующее сохранение контраста между ними. Теперь уже невозможно, чтобы все происходило одновременно. Для сохранения нужно время, и это время есть. Критическое воздействие элемента системных процессов наступает лишь позднее, да и тогда ему приходится сперва нащупать осмысленное отношение к среде, иначе контраст системы и среды снова будет утрачен.

Затем может последовать второй теоретический шаг. С точки зрения теории систем, все модализации можно понять как генерализацию системных структур. Генерализация означает, что структура совместима с более чем одним состоянием среды или же системы; данное понятие предполагает конт-

* В юридическом смысле слова.

** Адаптация, целедостижение, интеграция, воспроизводство латентной структуры (*англ.*).

раст системы и среды¹⁰. В таком смысле, например, возможности — это модальные генерализации, с помощью которых можно идентифицировать либо действительное в качестве возможного иным образом, либо возможное в качестве или действительного, или недействительного. Темпоральные модальности — это генерализации другого типа¹¹. Они основаны на сохранении тождества мира или системы в смене различных состояний.

Все нижеследующие соображения строятся на предположении, что такие генерализующие акты варьируют вместе с самими системными структурами, а, стало быть, и не происходят чисто произвольно, и не являются своего рода трансцендентальной иллюзией, будучи простыми «компонентами» процесса познания. Из такого предположения проистекает задача исследовать точнее, какова зависимость между временными горизонтами и структурами социальных систем. Для этого в качестве исходного пункта используем две предпосылки: понятие смысла и опять-таки контраст системы и среды.

III

Смысловое качество человеческого переживания и действия конститутивно для времени и истории постольку, поскольку на нем строится доступная опыту селективность всех целеназначений. Все, что совершается осмысленно, совершается в горизонте других возможностей. Это происходит даже тогда, когда другие возможности отрицаются в качестве возможностей и, стало быть, событие понимается как необходимое, — ведь и отрицания «могут» (!) (и эта «мочь», в свою очередь, необходима) подвергнуться отрицанию¹². Исторические события значимы, следовательно, не в своей чистой фактичности и даже не только в своей исторической связи, а в своей селективности. Мировая история имеет смысл как автоселекция бытия и потому теоретически должна пониматься как эволюция — в таком обществе, которое поощряет и реализует уже не просто политический или теологический, а научный интерес к истории.

К понятию смысловой истории относится (всегда конституируемый в настоящем, проецируемый в прошлое) контраст между возможным и действительным. Поэтому «картина истории» того или иного общества варьирует не только вследствие актуально осуществляемых селекции и оформления фактов, о которых считают необходимым сообщить по соображениям познавательным или иным, а в зависимости от селективных условий конституирования и главным образом от неустранимости возможности других возможностей, возможных на данный момент. Вот только один пример: мы почти неизбежно рассматриваем общества без политически организованной возможности обязывающего решения правовых конфликтов с точки зрения «отсутствия» в них таких возможностей и анализируем переходные состояния таким образом, как будто «имелись» обе возможности, и сперва реализовалась одна, а уж потом, со временем, и другая¹³. Значит, чтобы реконструировать горизонты переживания и действия прошлых общественных систем, надо представлять себе несуществующим возможное сейчас, подвергнуть возможное негации — и такую мыслительную операцию, пред-

полагающую в качестве условия собственной возможности науку (а, стало быть, опять-таки настоящее), можно провести лишь фиктивно, ее трудно удерживать в рамках точных понятий и невозможно контролировать. В результате от такой попытки мы отказываемся под знаменем рефлексивности понимания времени.

Это понимание селективности исторических фактов дает нам ключ для конструирования взаимосвязи между социальными структурами и горизонтами времени. История разворачивается как селекция горизонта возможного, а возможности предполагают в качестве условия возможности системные образования. Тут вновь становится ясно, что мы должны перевести в теорию систем одно употребительное в теории познания понятие, а именно понятие «условие возможности». Понимание того, что возможности зависят от условий возможности и, стало быть, различаются смотря по тому, какими мыслятся условия возможности, — понимание, достигнутое сначала в теории познания, можно просто перенести на системы посредством концепта модальной генерализации¹⁴. Чтобы отделить возможное от невозможного¹⁵, следует предположить системные структуры, — а их следует предположить, далее, чтобы дифференцировать различные виды возможного, — к примеру, политически возможное, экономически возможное, технически возможное. «Предположение», «отделение», «дифференциация» мыслятся тут как операции будничной жизни, а не только как процессы познания (хотя и в качестве таковых тоже). В конечном счете речь идет о том, что модальные генерализации различной ориентированности возможны не только в процессе познания, но и во всех операциях, совершаемых сознанием, а, стало быть, при любом виде внутренней работы по селекции. Поэтому такие генерализации должны добываться путем дифференциаций.

Следствием этого для теории истории будет то, что всякая селективность, а потому и всякая событийность фактов основаны на системных структурах, обуславливающих тот или иной горизонт возможности, из которого события отбираются в ходе каких угодно процессов. В зависимости от степени и форм дифференциации в системах существуют различные проекции возможности, а потому и различная селективность событий в их горизонте прошлого. К примеру, понятие природы в греческой классике (а значит, у истоков древнеевропейской традиции *societas civilis**) означает границы возможного в политически-правовом отношении и тем самым границы исторической, или позитивной селекции номоса, что было обусловлено политическим конституированием общества, поднявшегося над уровнем архаических племенных союзов. У китайских легистов сходная идея означает ту случайность** зависящего от среды удовлетворения потребностей, которую было нужно преодолевать политическим планированием экономического порядка, — для греков, мысливших свою экономику вне рамок гражданского

* Гражданского общества (*лат.*).

** Под случайностью здесь и далее у автора следует понимать «комбинацию событий, стечение обстоятельств, выпавший расклад (как в картах)» — вероятностную случайность. Точным эквивалентом (и калькой) было бы слово, в русском языке не употребительное (кроме как в математике): «контингентность, контингенция».

общества, эта идея была неосуществимой. Наконец, в гражданском обществе 18-19 вв. оно означает границы экономических ресурсов. Различия обусловлены различиями в институционализации дифференциации систем и относительного примата экономики и политики. *И во всех случаях они применялись для воспроизводства соответствующей истории общественной системы*¹⁶. В архаических обществах с незначительной дифференциацией и слабо развитым сознанием возможностей и селекции соответственно нет не только истории с хорошей разрешающей способностью, но и специального понятия природы¹⁷.

И вот, если верно, что история систем конституируется в качестве истории селекции в зависимости от структурных условий возможности, то память — процесс весьма требовательный: ведь она не просто дает доступ к наличному запасу знаков для фактов прошлого, но представляет собой воспроизводство селективности событий¹⁸. Это предполагает не только то, что история фактов известна, но и то, что вместе с ними в памяти могут присутствовать другие, не актуализованные возможности. Значит, различие между системой и средой и вслед за ним различие между историей системы и мировой историей приобретает более определенную значимость. Воспроизводство селективности событий предъявляет столь высокие требования, что невозможно допустить, будто она осуществляется с одним и тем же смыслом во всех смыслоперерабатывающих психических или соответственно социальных системах. Система *воспроизводит* в памяти *историю своей собственной селекции*, историю селективности своего собственного соотнесенного со средой переживания и действия. Кроме этого, она *реконструирует* и *мировую историю* не осуществленной селективности, потребную, чтобы понять собственную итоговую селективность¹⁹. Различие между системной и мировой историей может не быть акцентированным для самой системы — оно все равно направляет операции сознания просто потому, что различаются между собой актуальные в данный момент условия возможности для мира и для системы.

Контраст системной и мировой истории напрашивается еще и потому, что для реактуализации всякий раз нужны другие условия. История собственной системы в коммуникативных процессах социальных систем принимается в структуры ожидания с большей отчетливостью и принудительностью, нежели история прошлого или история среды. Человек, к примеру, может на суде отрицать, что совершил убийство, но гораздо труднее в той же самой системе ему будет отрицать, что раньше он отрицал, будто совершил убийство²⁰. Иными словами, для участников социальных систем обязательно правило, предполагающее тождество совместно пережитой системной истории и ожидание общности воспоминаний. Стало быть, системная история служит естественной (нетехнической) гарантией непрерывного продолжения селективности дальнейших переживаний и действий. В этой функции ее могут заменить только технически сложные институты (скажем, право). Лишь когда и насколько действует эта предпосылка, история может одновременно служить и в качестве системной структуры²¹. Иногда могут легитимироваться, а то и фактически осуществляться, более

или менее значительные (поскольку они «безвредны» для системы) вольности частной реконструкции мировой истории²².

Системная история, совместно переживаемая и вспоминаемая, — важная предпосылка взаимопонимания, и ее невозможно заменить объективно фиксированной мировой историей. При различной степени разрешающей способности памяти опыт и предпосылки коммуникации становятся недоступными для сообщения. Отсюда возникают барьеры понимания между поколениями, а также и в работе организационных экспертных групп с часто меняющимся составом, где сама социальная система может обладать лишь крайне короткой памятью, а участники, кроме того, способны подразумевать только однородно понимаемую мировую историю²³. Тогда общие решения можно принимать на основе разве только точно удостоверяемых фактов прошлого, но не селективности этих фактов, так что прошлые селекций не сохраняют преемственности с настоящими, а повторяются или перечерчиваются.

IV

Наш основной тезис можно просто сформулировать в первом приближении. Он гласит, что более сложные общественные системы образуют более широкие, абстрактные и дифференцированные в себе временные горизонты, нежели более простые общества. Благодаря этому они достигают более высокой, более богатой возможностями степени сложности мира, дающей им возможность большей селективности переживания и действия. Одновременно они таким образом могут лучше синхронизировать внутриобщественные системные истории, и притом даже весьма различные по характеру и не поддающиеся интеграции по содержанию (к примеру, в сфере морали), и даже системы с различной по длительности или темпу историей.

Это абстрактное положение о корреляции между сложностью общества и сложностью мира будет ориентировать наши дальнейшие рассуждения. И все-таки оно — это предупреждение следует сделать сразу же — по системно-теоретическим причинам, которые можно привести, сформулировано чересчур просто — и в такой грубой форме, конечно, ненадежно. По мере прогресса теории общества будут, видимо, возникать значительные сложности. Данные других прикладных сфер теории систем, прежде всего теории организмов, теории психических систем и теории организаций, показывают, что понятие «сложность системы» еще не покрывает никакой применимой на практике переменной. В этом убедились бы и историки, если бы попробовали напрямую сопоставить сложность данной общественной системы с исторически засвидетельствованными представлениями о времени и истории. Прежде всего, надо сделать два уточнения.

Во-первых, сложность — не простое, одномерно определяемое качество системы, а многомерный концепт, и без подробного описания невозможно в каждом конкретном случае решить, сложнее ли данная система, чем другая²⁴. Во-вторых, более высокая сложность системы еще не означает повышения сложности в *каждом* измерении мира или в *каждой* связи со средой. Поэтому более сложные общества вовсе не обязательно имеют и более

сложную историю, не говоря уже — историю, более сложную *во всех отношениях*. Скорее, как показали прежде всего исследования когнитивной и мотивационной сложности в психических системах, более сложные (имеющие более абстрактную структуру) системы приобретают способность иметь *как* простые, *так и* сложные связи со средой. Их среда не становится все более сложной во всех отношениях, что очень быстро истощило бы и самые сложные системы, — просто абстрактность их структуры делает возможным сосуществование сложных и простых, дифференцированных и недифференцированных связей со средой, а потому позволяет уточнять по секторам степень разрешения и дифференцированность полученной картины среды, а иногда и распространять их на другие секторы²⁵. Языковое употребление вводит в заблуждение. Сложность — это вовсе не «качество» системы; более сложные системы не обязаны *всё* переживать сложнее потому, что они «являются» сложными.

Эти общие идеи не ограничены областью типов систем, в которых они были обнаружены вначале в результате краха пробных, слишком простых тезисов. Они могут послужить еще и предупредительным сигналом для теории общества. Поэтому мы можем заранее допустить, что было бы чересчур просто рисовать себе кривую зависимости увеличения сложности общественной системы и временного горизонта в исключительно линейном виде. С другой стороны, теория общества еще не вполне созрела для исследования, проводимого с соответствующей степенью сложности, а потому напоминать о таких ограничениях на каждом шагу было бы попросту обременительно. Мы их пока оставим в стороне и только ближе к концу, в разделах VII и VIII, рассмотрим подробнее то обстоятельство, что общества с нарастающей сложностью не просто имеют более сложную историю (в смысле, скажем, — более богатую фактами), но что они на основе своей сложности в то же время нейтрализуют, селективно освещают (VII) и умеют обходить (VIII) историю. Если в более сложных обществах история приобретает значимость, то она становится одновременно и более условной, становится одновременно памятью и забвением, в ней становятся одновременно возможными и детальный интерес, и безучастное сдвигание в окончательно забытое прошлое. Эта-то одновременность и есть то фактическое положение дел, с которым соотносится сложность системы.

V

Обыкновенно ни историки, ни социологи не задаются вопросом, что такое, собственно говоря, время. Да на этот вопрос, если ставить его прямо и всерьез, вряд ли будет получен ответ. С другой стороны, велика опасность мыслить неадекватно, оставляя его открытым — скажем, представляя себе время просто как «поток» или держась за календарь. Предыдущие рассуждения о смысле, селективности, модальных генерализациях, системе, среде, истории систем, мировой истории хотя бы делают возможными кое-какие уточнения.

Благодаря событиям и посредством их селективности всегда конституируется и время, поскольку селекция проявляется характерным образом в ка-

честве события, лишь выделяясь на фоне сохраняющейся структуры возможности. Уже физические системы конституируют время в той мере, в какой отличаются от среды и могут принимать более чем одно состояние в отношении ее²⁶. Возможность принимать более одного состояния, в свою очередь, обусловлена неполной взаимозависимостью, т. е. тем, что не *всякое* изменение имеет результатом изменение *всего*. А прерывания взаимозависимости, возможные благодаря системообразованию, выступают предпосылками того, что может происходить дифференциация будущего и прошлого. В смысловых системах селективность смысловых событий проявляется в горизонте альтернативных возможностей, который, если он продолжает существовать после прекращения селективного процесса, осознается как время. Значит, сознание времени, как его ни формулируй, есть ответ на необходимость в качестве условия селективности в конфигурации «система – среда» мыслить одновременно постоянство и изменение. Такая весьма абстрактная дедукция понятия времени еще ничего не говорит о разнообразнейших формах сознания времени, которые, как мы знаем, варьируют в общественных структурах. Большой точности можно поэтому достичь лишь путем исторической и общественной релятивизации понятия времени, т. е. допуская необщезначимые предпосылки.

Стало быть, какой-нибудь горизонт времени возникает с каждым опытом селективности, а значит, уже в ходе ознакомления с историей собственной системы. Такой горизонт времени может весьма определенно прикрепляться к самому событию и его непосредственным предусловиям и последствиям, т. е. почти совпадать с событием, почему и не стоит различать время и события. Эта ситуация наблюдается на ранних стадиях развития и психических, и социальных систем, у детей и в архаических обществах²⁷. Она наступает, когда общественные системы впервые переживают свою системную историю, а их потребность в репродукции истории конкретно определена и ограничена актуальными ситуациями. Поэтому исчисление времени в них продолжает зависеть от более или менее типизированных, повторяющихся событий их системной истории²⁸. Без абстрактного понятия времени и прошлое с будущим не смогли бы восприниматься с потребной степенью разрешения, да и нельзя было бы четко различать ничего, кроме того, что включается в ближайшее прошедшее и наступающее. На этой основе, как можно видеть, широко распространено явное различие близкого и далекого прошлого (и соответственно будущего), причем отдаленные времена – не время в подлинном смысле слова, а слепые пятна, где действуют иные правила определения достоверности и значимости²⁹. Причиной могло быть то, что при множественности субъектов перспективы переживания необходимо дивергируют как в настоящем, так и в непосредственно обозримом будущем или прошлом, и могут приобрести социальную однородность лишь в более обширном горизонте времени³⁰. Удвоение близкого и далекого времени казалось напрашивающимся и простым решением этой проблемы. Стало быть, для таких обществ не существует абсолютно универсальной историографии или мировой истории в нашем понимании. Все дальнейшее развитие с этой точки зрения есть нарастание абстрактности – не в познании времени, а в социальном переживании системного и мирового времени.

Первая потребность в измеримости времени предшествовала, вероятно, мифическому³¹ и уж тем более понятийному описанию времени и была связана с дифференциацией и генерализацией религиозного мышления³². Некоторые видят этот исходный пункт в хорошо отлаженном взаимодействии религии и политики в древнемесопотамских городах (в отличие от Египта)³³. Как бы то ни было, потребность во времени как особом измерении для переживания и действия возникает, лишь когда заметные общественные процессы церемониального или политического характера обретают самостоятельное значение и уже не переживаются в качестве как бы естественно-го хода религиозного события, а получают пока еще только *задание* — собственными стараниями и примерным поведением гарантировать гармонию космической и земной сфер. И лишь тогда осознается возможность потерпеть *неудачу* в выполнении этой задачи, а общественные процессы переживаются в известной мере как *случайные* и зависящие от *изменчивых* факторов; лишь тогда возникает потребность в блокировании этой случайности в *двойной* возможности — *приписывать* успех или неудачу божественным силам либо собственному или чужому неправильному поведению, а значит, возникает измерение, выстраивающее — а позднее всего лишь «умещающее» — в правильную последовательность соотнесенные друг с другом *селективные* (а тем самым *кондиционируемые*) события. Одну из самых влиятельных и в то же время уникальных попыток раздвинуть системную историю до рамок мировой, явственно восходящую к «внутренним стечениям обстоятельств» системы, отчетливо можно разглядеть в Ветхом Завете. Политически изменчивая история Израиля в соответствии с только что очерченными условиями была пережита как бедственная история, сложившаяся такой в результате стечения обстоятельств, хотя у нее были и иные возможности. При сложившихся монотеистических предпосылках она, однако, уже не могла в достаточной степени интерпретироваться как история собственного народа на фоне окружающей среды — скорее, внешнеполитическая *окружающая среда* по необходимости понималась как инструмент *собственного* Бога и в контексте *собственной* испорченности³⁴. Греховность собственного народа разрушила простую дихотомию «система — среда» в смысле полной согласованности оппозиций далекое — близкое, свое — чужое, доброе — злое. Проблема случайности должна была перейти на мировую историю, охватывающую пару «система — среда», что потребовало генерализации национального бога до уровня владыки мира. Последующая деятельность пророков нашла решение этой поначалу социальной проблемы во временной форме — эсхатологии (временная структура которой, разумеется, оставалась неясной). «Эсхатон»^{*} отныне — не национальное, а всемирное представление.

Потребность в абстракции относительно свободного от контекста горизонта времени связана, далее, — как тут, так и в других случаях культурных абстракций³⁵ — с растущей дифференциацией общественной системы. В обществах с растущей дифференциацией, которым приходится планировать возможность коммуникации, выходящей за рамки системы, в качестве структурообразующего принципа уже недостаточно памяти о прошлых сос-

* Предел, край (*греч.*).

тояниях собственной системной истории. Координирующие генерализации должны становиться абстракциями — такие генерализации и позволяют если не интегрировать, то хотя бы связывать друг с другом различные системные истории³⁶. Прошлые состояния собственной системной истории могут пониматься только в абстрактном временном измерении, в датированном ряду точек времени и в прочной связи с событийными рядами среды³⁷. Или, в другой формулировке: при возрастании функциональной дифференциации системы количество, контраст и взаимозависимость системных историй возрастают в такой степени, что требуются более абстрактные формы их выражения. Теперь мировое время как координирующая генерализация должно гарантировать: 1) *гомогенность*, т. е. независимость определенных процессов и их скоростей, своих или чужих; 2) *обратимость*, т. е. возможность обратного расчета при необратимости процесса³⁸; 3) *определенность* (благодаря датировке и причинности) и 4) *транзитивность* как условие сравнения разноотстоящих от точки отсчета отрезков времени.

Соответствующее оформление мирового времени, и прежде всего представление о линейном ряде точек времени, покрывает эту потребность. Линейное время — относительно позднее представление, а в абстрактной форме оно появляется лишь в новое время³⁹. В той мере, в какой настоящее упорядочивается абстрактным структурообразованием, получая тем самым возможность представлять гетерогенные варианты прошлого и будущего, линейное время способствует размежеванию будущего и прошлого как актуально самостоятельных горизонтов времени, которые могут быть непрерывными или прерывными, т. е. могут быть связаны с настоящим или не связаны с ним⁴⁰. *Связь прошлого с наступающим становится принципиально случайной*. В новое время эта случайность связи времен осознается на средневеково-теологической основе. Она требует говорить о наступающем и прошедшем, уже не только соединяя их по родам, но, помимо этого, еще и различая *будущее* и *прошлое* как горизонты селекции. Ведь если связь наступающего и прошедшего в настоящий момент случайна, то будущее и прошлое, напротив, связаны необходимо. Суммирующее эти результаты представление о мировом времени как бесконечном ряде точек времени совместимо с различной значимостью точек времени в системных историях; в конце концов посредством дальнейшего абстрагирования представления о времени его можно сделать совместимым с любым событием, разыгрывающимся в отдельных точках времени, так что само по себе время уже вообще ничего не будет говорить о том, что происходит.

Если достигнута эта ступень развития, время уже не говорит ни о чем, кроме того, что возможно. После этого потребовалось провести в теории обозначенное выше требование — аналитически расчленив темпоральные и психобиблистические модальности и исследовать их взаимозависимости.

Конституируемое поверх любых системных историй абстрактное время и есть *мировое время*, измерение горизонта мира. Унифицированно измеренное мировое время позволяет *синхронно* протекать *всем* когда-либо актуальным системным процессам, и это — условие возможности всемирной коммуникации⁴¹. Но одновременно оно — *системное время всемирного общества*, т. е. универсальной системы всего коммуникативно возможного человеческого

переживания и действия. Тождество мирового и системного времени общественной системы не упраздняет различия между системой и миром. Оно обосновывается положением, что общество — такая социальная система, которая конституирует мир как горизонт уточняемых возможностей, редуцируя неопределенно-случайную сложность⁴².

Для такого случая — протяженного, абстрактно унифицированного мирового времени весьма сложной общественной системы — Парсонс выдвигает гипотезу, согласно которой тут управление эволюцией берут на себя основные культурные факторы⁴³. Но если вместе с Парсонсом отказаться от однофакторных объяснений и признать, что все уровни системной структуры нуждаются и в сохранении, и в развитии, то такие понятия, как регуляция (control), относительная значимость или функциональная первичность, окажутся нечеткими и потребуют уточнения. Вопрос о доминирующих факторах придется тогда заменить вопросом о факторах критических. Действительно перспективный путь дальнейших уточнений могло бы наметить представление об «узком месте». Это означает вот что: при данном состоянии системно-структурных условий возможности на различных уровнях системы имеется «узкое место», критическая точка на пути продолжения эволюции, т. е. место, где возможное переходит в невозможное, а при более обширных временных горизонтах — все больше в сфере культурных факторов.

VI

Абстрактное измерение времени еще не устанавливает, какие точки времени будут играть роль прошлого, настоящего или будущего. Такое установление — не требование координации; для межсистемных отношений решающе важно, скорее, лишь то, что для всех систем унифицированно определяется, какие точки времени считать в данный момент прошлым, настоящим или будущим⁴⁴. Но это все же не исключает сложного взаимопереплетения условий времени. Таковое может произойти посредством структурирующей техники, которую можно назвать *многократной модализацией*, или *рефлексивной модализацией*.

Имеется в виду, что модальные условия можно модализировать еще и еще⁴⁵. Можно говорить о возможности действительностей и о действительности возможностей, но также и о возможности возможностей, возможности необходимостей и т. д.; при детальном исследовании проблем модальности следует обращаться к таким многократным модализациям. То же относится и к темпоральным модальностям. Уже Августин использовал, хотя и неполно, эту возможность, когда, обращаясь в 11-й книге «Исповеди» к исследованию времени, проводил различие между *praesens de praeteritis*, *praesens de praesentibus* и *praesens de futuris*^{*}. В средние века появляются новые комбинации — как, скажем, в контексте дискуссии *de futuris contingentibus*^{**} вопрос о возможных флуктуациях в прошлом⁴⁶. В общем, кажется, предпочтение по причинам теологическим отдавалось все же разделению темпораль-

* Настоящим в прошедшем, настоящим в настоящем и настоящим в будущем (лат.).

** О будущих случайностях [т. е. о возможных флуктуациях] (лат.).

ных модализаций на два временных уровня, так что человеческое время с его модусами прошлого, настоящего и будущего мыслилось еще и актуальным в Боге, а соотношение этих уровней понималось как simultaneity и владычество. Полная историзация единого, унифицированного мирового времени стала мыслимой лишь в 19-м столетии.

Под «историзацией времени»⁴⁷ должно пониматься рефлексирование условий времени, осуществляемое путем полного проведения многократной модализации. Теперь надо принципиально разобраться в том, что существует настоящее будущее, которое следует отличать от будущих настоящих — уже только потому, что настоящее будущее содержит в себе больше возможностей, чем те, которые могут актуализироваться в будущих настоящих; а также в том, что соответственно следует различать будущие настоящие, настоящие настоящие и прошлые настоящие, и что настоящее прошлого, а именно история, есть нечто иное, чем прошлые настоящие; и наконец, в том, что в историческом исследовании прошлых настоящих следует учитывать настоящее на тот момент будущее и настоящее на тот момент прошлое, т. е. применять тройную модализацию, и так далее. Историзация времени означает, следовательно, что в обоих временных горизонтах настоящего, из которого требуется исходить, появляются новые настоящие со своими временными горизонтами, а именно будущими и прошлыми, и так далее, — с итеративными возможностями, ограниченными не логикой, а только вопросами объема и интересов исследования. В соответствии со всем этим мы видим специфику современного «исторического сознания» не в каких-то особенных усилиях по *познанию* прошлого, а в *темпорализации* прошлого, и мы предполагаем, что таковая вытекает из какой-то особой заинтересованности в будущем.

Тем самым продолжит существование ограниченная одним Гегелем тенденция к унификации и радикализации представления о времени до уровня мировой истории, темпорализирующая *все* сущее. От нее нельзя ни отказаться, ни превзойти ее на основе представлений об истории как движении. Нельзя мыслить движение, охватывающее собой нечто большее, чем сущее в целом. Понятие рефлексивной темпоральности словно выходит за рамки простого представления о всемирно-историческом процессе. Если относить рефлексивность к фундаментальному понятию движения, она во всяком случае может мыслиться как движение движения, т. е. как ускорение или замедление. В связи с этим естественнонаучные законы в новое время формулируются заново⁴⁸. Помимо этого, историческая наука может понимать рефлексивность как темпоральность самого времени во временных горизонтах процесса. Значит, исторический процесс можно формулировать не только в его движении, но и в его автоселективности, понимая сдвиг временных горизонтов как селекцию. Лишь способность видеть прошлые настоящие как настоящие с собственными будущими и прошедшими и отличать их от актуального настоящего позволит нам понять исторические последовательности настоящих времен как селективные цепи с вариативными будущими и прошедшими. Селективность исторического процесса основана на том, что *каждый* из его актуально настоящих моментов представляет себе в их временных горизонтах совокупное время, причем *ни одно* из этих темпораль-

ных условий словно не существует синхронно с другими. Индивидуальность исторического события в соответствии с этим зиждется не только, как полагает историзм⁴⁹, на его простом положении в необратимом и неповторимом ряду точек времени, но на специфическом для этого события сочетании временных горизонтов, конституирующих его селективность.

Различие между настоящим прошедшим и прошлыми настоящими, которое мы только что ввели, будет совсем не понято и искажено, если смотреть на него в свете более привычного различия субъективного и объективного понимания истории⁵⁰. Редукция к чисто темпоральным (а не метафизическим или теоретико-познавательным) понятиям больше подобает для пояснения того, чем занимается современное историческое исследование. Научное исследование истории имеет дело с прошлыми настоящими, а не с актуальным настоящим прошедшего⁵¹. Оно пытается пролить свет на прошлое как тогдашнее настоящее и тем самым делает общество, так сказать, независимым от его собственной памяти и, стало быть, дистанцирует систему от ее истории. Для нее настоящее — совсем иное, чем для ее предмета, она прекращает всякие попытки перевести его в свое настоящее⁵² и потому в соответствии со своими исследовательскими интересами может относиться к нему селективно. Эта селективность подвержена риску, но не является принципиальным возражением против научной объективности, скорее, она — как раз предпосылка объективности исследования. Даже историзм понимается недостаточно, если видеть в нем интенсивную ступень исторического исследования⁵³. Тут дело, скорее, в том, чтобы распознать эту причудливо специфицированную временную перспективу в качестве «не подразумеваемой по умолчанию», даже необычной версии и исследовать ее функции и общественные условия ее возможности. Если копнуть глубже, историзм окажется тем, что дает возможность различать настоящее прошедшее и прошедшие настоящие и, стало быть, он коренится в рефлексировании самого времени.

Уже Мартин Хайдеггер в своей фрайбургской промоционной лекции⁵⁴ задавался вопросом об особенностях понятия времени в исторической науке и искал ответ в установлении различия между квантитативным, измеряющим движение, естественнонаучным понятием времени и историческим, ориентированным на качественную разнородность времен. Последний пункт неясен, а первый неверен, поскольку квантитативная временная координата — это и феномен исторических наук о духе. Наше понятие историзации времени призвано вывести за пределы этой дискуссии. В полностью историзированном времени временные модусы не могут пониматься ни как раз и навсегда зафиксированные качества временной оси, ни как отчасти свободные, а отчасти зафиксированные, так что время конституируется в сдвиге относительно самого себя, будь то в старом смысле — что время переходит в прошлое через фиксированное настоящее, а это прошлое возвращается потом в качестве будущего, и настоящее оказывается круговращением остальных модусов времени, будь то в смысле нового времени — что настоящее как бы привязано к субъективному переживанию человека и идет вместе с ним вперед из прошлого в будущее. Скорее, темпоральная модализация должна быть релятивизирована в отношении времени *вся целиком*. Во времени движутся прошлое — настоящее — будущее *все вместе*, иными

словами, это настоящее *вместе* с его временными горизонтами — прошлым и будущим. Лишь исходя из такой предпосылки — что вместе с точкой времени сдвигаются и горизонты прошлого и будущего — события могут исторически индивидуализироваться; одна только дата еще не гарантирует их уникальности⁵⁵. Историческое время конституируется как непрерывность и необратимость движения прошлого — настоящего — будущего как единого целого; оно конституируется как единство благодаря тому, что временные горизонты любого настоящего, т. е. прошлое и будущее, пересекаются с другими (бывшими или соответственно будущими) настоящими и их временными горизонтами и этим гарантируют любому настоящему достаточную (и притом не только временную, но и вещную и социальную) непрерывность в отношении других настоящих⁵⁶.

Чтобы пояснить временную рефлексивность, поддающуюся формулировке, увы, с большими хлопотами, мы можем воспользоваться вопросом о нетождественности временных модализаций. Для временного измерения нетождественность означает неодновременность. Можно было бы сказать, что настоящее одновременно настоящему настоящему и что в этом состоит его отличительная особенность⁵⁷ и что, далее, настоящее одновременно и настоящему прошедшего, *но не прошедшим настоящим*, и, стало быть, тем более не одновременно прошедшим в отношении прошлых настоящих, а также и не прошедшим настоящим настоящего (для данного момента. — *Пер.*) будущего, а одновременно только прошедшему настоящему для будущих настоящих⁵⁸. В понятии настоящего, стало быть, кроются правила для использования представления о синхронности, которое, в свою очередь, есть — в социальном измерении — предпосылка коммуникации.

Если иметь в виду такие рефлексивные отражения одних времен в других, то появится возможность разводить во времени не только блоки исторической фактологии, но и различные системно-структурные исходные ситуации для институционализации условий возможности. В этом смысле постулат, предполагающий анализ всегда с точки зрения последнего достигнутого исторического уровня, сохраняется, хотя и релятивизируется⁵⁹. В прошедших настоящих можно найти другие условия возможности, нежели в настоящем настоящему, и, исходя из обоих настоящих, анализировать историю с различными результатами. Для теории планирования сюда добавилась бы необходимость анализировать настоящее настоящего как прошедшее будущего настоящего, исходя из горизонтов их возможностей, чтобы управлять актуальной селекцией. С введением в анализ понятия настоящего в прошедшем, настоящем или будущем можно будет судить об исходных системно-структурных ситуациях проективных возможностей, в отношении которых определяются селекции. Историзация времени открывает доступ к различимому ряду горизонтов возможного в мировом времени⁶⁰, тем самым указывая на системно-теоретическую по замыслу теорию модальностей, спо-

* Или: «настоящему, прошедшему в отношении тех настоящих, что будут в будущем». Так или похоже следовало бы артикулировать по-русски все аналогичные авторские обороты, если бы от этого не понижалась удобочитаемость текста. Заинтересованному читателю придется самому проделать такую работу по приведенному мной здесь и в тексте прим. 50 образцу.

собную показать, как системы порождают возможности путем генерализации структур (теория, которая на сегодняшний день еще в значительной мере остается благим пожеланием). На этом уровне понимания системная теория и учитывающий рефлексивность времени историзм дополняют друг друга в общественной системе, способной на соответствующую степень темпоральной сложности.

Но этим еще отнюдь не исчерпываются неизбежные трудности, поскольку и рефлексивное время может отражаться во времени. Нам следовало бы еще задаться вопросом и об истории (а также о будущем!) самого времени, к примеру, о точке времени, когда зародилось историзированное время, и о причинах этого зарождения. Разумеется, историзм способен изложить свою собственную историю и простецки — как «духовно-историческую» историю фактов. Но это предполагает неизменное понимание времени, предпосылки неизменности которого абсолютно неверны, или отказ от времени вообще, а значит, от самого предмета исследования. Историзация, равно как и футуризация времени, возникают лишь в новое время, примерно тогда же, когда совершился переход от политического гражданского общества к экономическому гражданскому обществу наших дней. Лишь с той поры грамматические времена в языке получают четко выраженный временной смысл⁶¹. Лишь с той поры угасают пространственные метафоры, основанные на том, что время проявляется в движении. Лишь рефлексирование временного измерения понуждает к чисто темпоральному пониманию времени и на нем же и основано. Правдоподобно, хотя и труднодоказуемо предположение, что переход от преимущественно политической к преимущественно экономической эволюции общества принес с собой изменение основной временной ориентации с горизонта прошлого на горизонт будущего, тем самым вызвав к жизни сперва футуризацию, а потом и историзацию времени. Такое доказательство не входит в нашу задачу⁶². Эта постановка вопроса интересна как довод в пользу того, что на первый взгляд простые исследовательские темы предполагают в высшей степени причудливые многократные модализации, и лишь таким образом можно связывать их с актуальными системными структурами.

Стоит только попробовать продумать эти осложнения, возникающие из-за многократной модализации, как станет видна еще одна функция обычного времени, абстрагированного до уровня мирового. Это функция сглаживания, нивелирования, уравнивания между собой временных соотношений, которые сами по себе гораздо сложнее. С помощью датировок можно сличить различия не только системных историй, но и временных горизонтов, индивидуализирующих каждую точку времени; тогда дата будет служить как бы маской и шифром комбинации темпоральных модальностей, индивидуализирующих эту точку времени.

Не станем сразу выяснять, для чего нужны историзованные системные истории в обществах или иных социальных системах. Подойдем к решению этого вопроса обходным путем. Рефлексивная темпорализация обладает формальным, но неожиданным сходством с отношениями социальной рефлексивности, исследованными и известными гораздо лучше⁶³. Сознание рефлексивных отношений, по крайней мере «современное» сознание, конс-

титуюется и в социальном измерении — и происходит это благодаря тому, что оно приучается видеть ego alter* не только как объект, но и как субъект, т. е. как alter ego**, получая тем самым возможность переживать себя в качестве alter в отношении alter ego, а может быть, даже в качестве alter ego в отношении другого alter ego. И здесь имеются структуры и требования к поведению, способные развиться лишь на высших ступенях рефлексивности, — к примеру, чувство такта. И здесь есть многоступенчатая итерация, ведущая к выработке рамок компетенций и интересов. Опять-таки и здесь обиходный язык лишь с трудом оказывается в состоянии выразить сложную структуру рефлексивного социального сознания⁶⁴, а обиходное сознание по-прежнему вынуждено пользоваться сокращениями, шифрами, скажем, «действительности» норм, или интуитивными упрощениями — вплоть до неартикулируемых сенсбилизаций, чтобы справляться с требованиями социального общения, имея в своем распоряжении лишь небольшие способности⁶⁵. Можно спросить в отношении социальной рефлексивности, существуют ли «метаперспективы», благодаря институционализации которых можно достичь высокой степени индивидуальной субъективности и взаимной реализуемости ожиданий без конкретной связи с определенными ожиданиями или их субъектами с определенными биографическими данными, иными словами — не создавая привилегий? Некоторые основные символы гражданского общества выбраны, кажется, с учетом этой функции: право как возможность совмещения субъективных свобод, любовь как страсть, деньги. Это ценные, эволюционно поздние достижения⁶⁶. Теперь можно поставить такой же вопрос и в отношении темпоральной рефлексивности: имеются ли и здесь «метаперспективы», способные тонко дифференцировать временные горизонты различных систем по различным точкам времени и заодно ориентировать их на высокие требования к прочности и взаимному усилению селективности? Я думаю, что это должны быть перспективы будущего, поскольку будущее — временной горизонт высочайшей сложности, и что они должны разрабатываться теорией планирования. Всемирная экспансия и имманентная самокритика гражданского общества привели к тому, что поиск таких рефлексивных метаперспектив нацелен пока не на институциональные формулы легитимации или нормативные программы, а, скорее, на возможный фронт работы. Постепенно становится неопровержимым понимание того, что постановка в повестку дня социальных или темпоральных рефлексивных отношений не может требовать повседневного поведения как типа надежно сопутствующего им сознания, если уж происходит отказ от особых возможностей, предоставляемых теплыми межличностными отношениями. Работа над рефлексивностью может идти лишь в рамках социальных ролей, которые должны быть дифференцированы специально для этого: ее должны вести психотерапевты, социопсихиатры, историки, специалисты по социальному планированию. Благодаря этому она станет работой над проблемными случаями, встречающимися в естественном ходе общественной жизни и требующими особого к себе отношения. Нельзя утруждать мировой дух каждый Божий день — уже хотя бы из уважения.

* «Я» другого (*лат.*).

** Другое «я» (*лат.*).

Ввиду столь сложной структуры времени — как прошлого и как будущего нашего общества — надо по-новому ставить и вопрос о критериях исторической значимости, а значит, и вопрос о теоретическом оснащении исторической науки. Выше мы уже заметили, что воспоминание в смысле воспроизводства селективности прошлых селекций как текущая побочная функция социальных систем удастся лишь в весьма ограниченных пределах. Специализирующаяся на нем историческая наука стоит перед сходной проблемой способности. Ее возможности оказались слишком малы даже для задач, поставленных перед объективной историей фактов, а в еще большей степени это относится к концепту истории селективности. Поэтому она в состоянии тематизировать селекцию лишь селективно. Она может повысить свои способности до требуемого уровня лишь благодаря отбору собственных (научных) критериев селекции.

При выборе таких критериев нельзя держаться только за необратимость времени и в этом смысле — за чистую историческую фактичность: это оставило бы невыясненным слишком многое. С другой стороны, теории прогресса, придерживающиеся определенных ценностно-ориентированных линий подъема, чересчур узки, ведь фактически существуют и патогенные линии развития, а, следовательно, прогресс можно ввести не как теоретический, но лишь как нормативный или политический план изменений⁶⁷. Свои наиболее убедительные концепции социология сформулировала как раз, наоборот, для случаев патогенного развития⁶⁸. Для теории систем напрашивается вывод о трансформации системных структур и о дефиниции исторического развития стабилизирующего или дестабилизирующего, нормально-го или патогенного, прогрессивного или регрессивного вида как *изменения тех структур, которые определяют условия возможности дальнейших изменений*. Тем самым проблема сохранения селективности в отношении «система — среда» была бы сформулирована — в наиболее абстрактном виде — как критерий исторической значимости; селективный интерес направлен здесь на саму селективность.

VII

Чтобы продолжить анализ на несколько более конкретном уровне, вернемся к нашей исходной проблеме — к вопросу о том, как связаны между собой временные горизонты, потребность в истории и социальные структуры. Историк, интересующемуся селективным потенциалом социальных систем, пришлось бы задаться тут вопросом: как потребность во времени и истории возникает из возрастающей селективности отношений системы и среды, в результате чего социальные системы и начинают отбор своих представлений о времени и своей истории, чтобы разворачивать или ограничивать свой селективный потенциал? Это можно показать на некоторых примерах.

1. В раннеархаических обществах имеется лишь узкий временной горизонт простых интеракционных систем. Их жизнь ориентирована главным образом на настоящее, каковая потребность не противопоставлена в них прошлому или будущему как чему-то чужеродному, а продиктована конкретной, синхронной сетью всесторонних социальных отношений⁶⁹. Заинтере-

сованность в актуализации не пережитой лично истории с большей разрешающей способностью возникает вместе с *дифференциацией ролей политического господства* в связи с непостоянством радиуса их действия и их недостаточной легитимацией⁷⁰. В позднеархаических обществах системная история становится сначала (относительно короткой) генеалогией, затем, с развитием цивилизации, — историей деяний династии владык или политически ориентированной племенной историей⁷¹. В ней появляются моральные импликации, она повествует о заслугах и неудачах, о действиях, которых можно было и не совершать, а в случае Библии, что весьма характерно, — напоминает о забытых договорах. Это предполагает соответствующую генерализацию религиозных представлений, которым теперь приходится допускать политические флуктуации и заодно давать им предварительную моральную оценку. Сознание времени расширяется. Архаическое различие мифического и генеалогического времени переводится в рамки единой, но религиозно окрашенной исторической конструкции, непрерывность которой в отношении настоящего доступна артикуляции⁷². Из истории могут извлекаться моральные, а то и рациональные выводы, извлекаться директивы для действий. Невысокая степень дифференциации заметных в политическом, религиозном и экономическом отношении ролей отражается в космологически-религиозно-моральной интегрированности основных идей, часто скрывающей политический мотив до неразличимости⁷³. В целом дело идет к расширению актуальных временных горизонтов настоящего, а, стало быть, к возможности определенных этико-политических достижений, предполагающих более широкий горизонт времени, — в сфере права, например, к синдрому вины и греха в смысле ограниченной во времени комбинации селективных событий⁷⁴; далее, к подсудности, с которой приходится считаться уже хотя бы как с возможностью; к клятвенным обязательствам и, наконец, к договорам консенсуса, способным строго определять будущее без настоящей или прошлой вещной основы⁷⁵.

Моральная история этого типа имеет место в политически конституированных обществах, чьи начальные эволюционные достижения, а значит, и значимые для них трудности находятся в сфере политической компетенции обязывающих решений. Она несет в себе смысл, если и пока политика включает в себе понимание потенциала общественной системы. И если еще *Дройзен* и *Трейчке* излагали историю в политическом ключе, это уже было анахронизмом, имевшим, правда, свои резоны. Эти резоны, видимо, состояли в том, что изначально экономически ориентированные гражданские общества с их направленным в будущее пониманием своего потенциала (а именно как производства и денег) не могли ни реструктурировать исторический горизонт политики, ни выйти за его рамки, а могли только нейтрализовать его до уровня простой образованности. По словам *Карла Лёвита*, «и по сей день естественное понимание истории все еще определяет политика»⁷⁶. Но «естественной» тут выступает всего-навсего привычка.

2. Историю делает и *дефицит*, говорят марксисты. *Жан-Поль Сартр* добавляет сюда интересный анализ связи между дефицитом и случайностью⁷⁷. А это подводит к нашему системно-теоретическому концепту модальной генерализации.

Дефицит делает историю в той мере, в какой он выявляет возможности в качестве взаимозависимых, а селекции, стало быть, — в качестве в определенной степени случайных, т. е. реализующихся «за счет того-то». Но в разных обществах дефицит означает не одно и то же⁷⁸. Его можно еще раз генерализировать в качестве формулы случайности и посредством механизма денег сделать независимым от перипетий заработка, потребностей и наличных благ⁷⁹. Тут в дело вступают нейтрализующие историю факторы, которые нам еще предстоит проанализировать подробнее. Процессы производства и заработка могут отбрасываться в прошлое, отчисляться из значимой истории, если для актуальных операций уже не важно, какие дыры они продавливают в резервах благ, и если дело уже не в благодарности и не в заслугах, поскольку не работает принцип неизменности сумм. Поэтому гражданское общество не нуждается в истории для своих собственных операций. А то, в чем оно нуждается, может быть сохранено в форме денег, собственности, договоров. Оно добивается того, чего не смогло добиться связанное легитимностью, политико-правовое общество: принимаемого без всякой истории понимания своего потенциала. При всем при том дефицит по-прежнему *делает* историю.

3. В сфере *науки*, этой все более значительной подсистемы общественной системы, история науки как системы тоже выступает в качестве селекции возможностей и, стало быть, зависит от специфически научных форм планирования и сохранения потенциала своих возможностей.

Историю науки сегодня на разные лады понимают как историю проблем, историю их постановки и решения. При этом на различие между горизонтом возможностей и тем, что отобрано в качестве действительности, смотрят как на различие между проблемами и их решением (подразумевая, что для одной проблемы может существовать множество возможных решений). Это, в свою очередь, подразумевает, что можно указывать, в чем состоят условия *разрешимости* проблемы, независимо от конкретных способов решения проблемы. Статус предельных понятий науки как системы — потенциала и оперативного управления (к примеру, критерия истины как возможности для высказывания иметь значения истины или лжи, восприимчивости, верифицируемости, фальсифицируемости, операционализируемости, измеримости) — еще мало прояснен теорией науки⁸⁰. Но даже и без такого прояснения в текущих исследованиях все решает некоторое оперативное сознание, работающее с этими непроанализированными абстракциями и с их помощью делающее историю.

Так же как и в случае экономического дефицита, здесь возникает вопрос о том, нуждается ли научное исследование в собственной истории проблем, и если да, то для чего. Возможный ответ гласил бы: чтобы избежать повторения ошибок и работать на основе исправленных ошибок⁸¹. Между тем легче всего достичь этого можно на основе тезауруса понятий, приведенных к актуальному состоянию исследований, — тезауруса, в котором история может быть сохранена и лишена тематизации, подобно тому как это происходит с деньгами. Функция исторически ориентированного сознания прошлого своих проблем могла бы заключаться, скорее всего, в сохранении самого

потенциала возможностей, т. е. в сохранении сознания случайности любого решения проблем и в исходящем отсюда принудительном абстрагировании.

4. Обыкновенно, изучая общество с макросоциологической точки зрения, легко упускают из виду один действительно важный, инструктивный пример того, как социальные системы испытывают нужду в истории: это значение *любовных историй*. Я имею в виду не приключения, о которых рассказывают друг другу посторонние, а потребность в истории у самих любящих. Любовь романтическая, страстная — культурная норма, по которой в гражданском обществе должны строиться чувства и осуществляться любовные отношения, а то даже и обзаведение семьей, — и в своем коде, и в своем ходе, как известно, обнаруживает черты нестабильности⁸². Нестабильность, случайность*, необусловленность, страстность, а значит, неуверенность легитимируются как предпосылки широкого горизонта возможностей для не контролируемого обществом выбора партнеров. К тому же любовь не выносит никакой спецификации со стороны прав и обязанностей, а сексуальность — взаимного определения ее объема. Этот в высшей степени неопределенный горизонт возможностей сужается до определенных допустимых ожиданий путем смешения стратегии и истории. Стратегии относятся к производству системной истории, закрепляющей эту пропорцию⁸³. В любви люди с самого начала приобретают независимую от истории взаимную селективность. Они любят независимо от того, что произошло прежде. Но сама история все-таки необходима — сначала как доказательство любви, потом — как ее замена. Она сначала подтверждает постепенное взаимное сближение, а затем незаметно переходит в правило «бремени доказательства» в том смысле, что тому, кто захочет пойти на попятный, придется не просто сослаться на любовь, а приводить причины.

Проведенный выше краткий анализ, сознательно ограниченный некоторыми подсистемами функционально дифференцированных обществ⁸⁴, показывает, что стимулы и предельные объемы селекции в системных историях варьируют вместе с генераторами возможностей и селективными интересами систем. А если это так, то на вопрос о смысле и функции системной истории вряд ли стоит ожидать и общезначимого, и в то же время конкретного и прозрачного ответа.

VIII

И все-таки сделаем еще одну попытку. Вопрос о том, для чего нужна история, можно ведь поставить и с обратной стороны: как вновь избавиться от истории, после того как она стала необходимой для ориентации в настоящем в качестве горизонта возможности в результате развития общественной системы? Как можно вновь сделать возможной для соотнесения значимую историю? Как можно сделать настоящее независимым от того, что послужило его причиной и продолжает в нем действовать? Перевернув вопрос таким образом, мы получим известные преимущества негативных постановок вопроса, ограничивающихся исключением предмета из рассмотрения и

* Здесь — в обычном смысле.

оставляющих в тумане слишком сложные позитивные взаимосвязи⁸⁵. Чтобы уточнить такую постановку вопроса, нам надо задать системную структуру. Мы не интересуемся естественным процессом облегчительного забывания, а предполагаем наличие общественной системы, в некоторой степени подавляющей этот процесс и направляющей актуальное внимание на мировую и системную историю событий, оставшихся вне рамок личного опыта, но создающих возможный контекст, в котором могут получить смысл все переживания и действия. В таком, как бы избыточно документированном, обществе имеются институты и механизмы, создающие для актуальных селекций *относительную свободу от исторического контекста*. Историю уже не используют непосредственно как смылосозидающую системную структуру, как это неизбежно происходило в простых системах, а дистанцируются от нее, синтезируя и редуцируя излишнюю сложность.

Эдмунд Гуссерль, руководствуясь противоположным интересом — реконструкцией общей истории априорно смылосозидающей деятельности сознания, обозначил такую идеализирующую абстракцию субъективности и историчности термином «технизация»⁸⁶. Тем самым отношение техники и истории стало проблемой на новый лад — и совсем иначе, чем если бы оно было сформулировано посредством понятия техники, подразумевающего фабрикацию или производство, или с помощью различения наук о природе и гуманитарных наук. Техника не только устраняет бремя ручного труда — она, в гораздо более широком смысле ради расширения горизонта возможностей и роста селективности, избавляет от одновременной реализации субъективности и историчности смысла. То, что Гуссерль усматривает в европейском кризисе в качестве утраты смысла, имеет и свою изнанку — это условие прогресса.

Эту изнанку можно пояснить, указав на то, что выражения, конкретно вводящие субъектов и их положение во времени, вынуждены, в видах прозрачности, обходиться простыми системами непосредственной интеракции и знанием ситуации⁸⁷. Если это условие не работает, то такие выражения, как «я», «ты», «мы» должны заменяться именами, которыми могут пользоваться все, а «вчера», «сегодня», «уже давно» — датами. Описанный выше эволюционный процесс дифференциации систем, разводящий системные истории и мировую историю, образует тем самым в то же время системы символов, которые могут применяться с относительной свободой от контекста, а в конце концов и стать независимыми от собственной истории. Технизация — вторая ступень символообразования, следующая за ступенью бесконтекстного языка; селективные процессы на ней должны приспособляться к горизонтам доступного, имеющимся у богатой возможностями, весьма сложной общественной системы. Ее результатом — в общем и целом — будет то, что прошлое предстанет в настоящем в качестве чего-то конченого, завершенного: оно больше не будет непосредственно настоящим в смысле, скажем, ощущения присутствия мертвых или не уходящей в забвение вины.

Как происходит техническое упразднение, нейтрализация и объективация истории, лучше всего можно понять на примерах. Для начала обратимся к организационным структурам, строящимся на принципе идентификации *мест*. Места — это абстрактные исторические точки, предназначенные

для идентификации ролей, в которых могут сменяться лица, задания и организационные распоряжения⁸⁸. Идентификация в качестве места делает технически осуществимым любое изменение функции, поскольку на местах можно сменять лица, задания и организационные распоряжения (только не всё сразу). Диапазон осмысленных изменений, к примеру, выбор нового служащего на такое-то место, зависит не от предшественника, т. е. не от *временного* измерения, а от сохраняющих силу заданий и распоряжений, а значит, от *вещной* совместимости с другими меняющимися по обстоятельствам условиями этого места, которые можно контролировать с помощью идентичности места.

В этом и заключается возможное с организационно-технической стороны. На деле такая нейтрализация истории удается лишь отчасти. Предшественник особенно заметно влияет на преемников, когда речь идет о сильно персонализированных ролях, скажем, о профессорах (в прежнем смысле) или о ключевых позициях в какой-нибудь сфере. Например, *Хорста Байера*, несмотря на его протесты, назвали «преемником Адорно»⁸⁹. Даже шанс выделиться на фоне предшественников в роли преемника определяется одновременно сменой мест и исторической обусловленностью; эта смена в какой-то мере провоцирует сравнение, обращение к прошлому, а то и вовсе сооружение настоящего мифа о предшественниках⁹⁰. Итак, дистанцирование от истории, даже идущее в русле технического прогресса, может не быть регрессом к архаике с ее отсутствием истории, упразднением или забвением прошлого. Наш пример скорее побуждает допустить, что техническая нейтрализация истории выполняет функцию не исключения, а спецификации той или иной исторической значимости. Тогда основополагающим станет принципиально амбивалентное отношение к прошлому: можно относиться к нему позитивно или негативно (к примеру, полагать, что предшественники были лучше или хуже преемников), а можно, разводя различные уровни возможности, действовать одновременно вне исторического контекста и в нем: скажем, в «формальной организации» вне этого контекста, а в «неформальной организации» — в нем⁹¹. *Структурное разведение различных уровней возможности отношения к истории – видимо, условие того, что по меньшей мере на одном из этих уровней могут быть актуализированы особые возможности негации и спецификации.*

Эти взаимозависимые аспекты технической нейтрализации истории можно проследить на других примерах. Вне исторического контекста можно использовать не только места, но и *деньги* — а именно, независимо от контекста, в котором они заработаны⁹². Меж тем при более внимательном рассмотрении выясняется, что это относится лишь к ликвидным суммам денег. А если под деньгами в более широком смысле понимать совокупность товаров и платежей в их монетарном выражении, т. е. подпадающих под код денег, то окажется, что деньги по преимуществу куда-то вложены и, стало быть, исторически зафиксированы. Эта фиксация особенно интересна в экономическом смысле: не в качестве прошедшего в настоящем и не в качестве настоящего в прошлом, а в качестве уже ничем не ограничиваемого будущего. «Уже ничем не ограничиваемое» — модальное понятие возможности, предпосылки возможности или невозможности которого определяются ус-

ловиями экономического расчета, т. е., к примеру, правилами амортизации. Ликвидные денежные средства — это лишь критические подмножества, дающие возможность совокупной экономической системе рассматривать соотношение будущего и прошлого таким специфическим образом. Тем самым можно если не устранить, то калькулировать весьма распространенную проблему, состоящую в том, что хорошие решения прошлого тормозят лучшие решения для настоящего и будущего.

Наш третий пример — *позитивный смысл легитимности*. Это значит, что право имеет силу благодаря решению, причем не потому, что в каком-то из прошедших настоящих оно было введено посредством кодификации — это было бы «thesmos»* в древнегреческом смысле слова с параллелями во многих древних цивилизациях, — а потому, что оно в любое время может быть изменено, так что неиспользование этой возможности подразумевает ее одобрение⁹³. Здесь также отчетливо выражено смещение уровня проблемы благодаря технической нейтрализации истории. Для легитимности не важны ни старина, ни качество древнего права, а одна долговечность еще не дает никаких качественных преимуществ. Этот статус легитимности не будет затронут и инверсией в виде контраргумента, что новое право лучше старого. Главное тут то, что легитимность в принципе больше не строится с оглядкой на историю, а рассчитана на настоящие и будущие возможности изменения, совместимые с любой историей.

Как бы то ни было, эти неиспользованные возможности работают в качестве индикаторов корректности, лишь если они действительно возможны. А это имеет место, лишь если разработаны организационные, политические и концептуальные меры предосторожности для текущего тестирования права, т. е. если такие меры укоренены в системной структуре. Но от этого мы еще очень далеки. Итак, второй уровень возможного и невозможного, на котором регистрируются организационные, политические и информационно-технические условия возможного изменения права, а возможное в правовом отношении становится невозможным, существует и в области права. В этом заключается отправная точка для технической критики настоящего, сохраняющего слишком многое из прошедшего — пусть и не в качестве истории, но все-таки в качестве статус-кво⁹⁴.

В завершение обратимся к примерам из области *научного исследования*. Прежде всего, само *историческое исследование* можно понимать как объективирующий механизм нейтрализации** в той мере, в какой оно не просто живописует, героизирует, адаптирует актуальную в настоящем системную историю, а актуализирует прошедшие настоящие. С точки зрения социально-исторической, в высшей степени необычно уже одно только представление о еще неизвестной, не дошедшей до нас через предание истории. Выше мы уже говорили о том, что благодаря историческому исследованию общество становится более или менее независимым от своей системной памяти, сохранение которой предполагает заинтересованность в ее использовании.

* Закон, уложение (освященное древностью, традицией) (*греч.*).

** Сс.: нейтрализации истории.

Помимо этого, она может более или менее удачно нейтрализовывать актуальные (к примеру, политические) селекционные интересы⁹⁵.

В несколько ином смысле можно понимать в качестве технической нейтрализации истории и системную *теорию* — она будет устанавливать множество уровней отношения к истории с особыми возможностями негации и спецификации по меньшей мере на одном из них⁹⁶. Среди прочего это предполагает аналитический контроль над отношениями темпоральной рефлексивности. Само собой понятно, что это не отрицает каузальной действительности фактов прошлого — ни на уровне вещном (система), ни на уровне теории. Нейтрализация означает всего лишь установление такого косвенного, амбивалентного отношения к истории, в рамках которого селективность временных событий может получать различное значение.

Системная теория, будучи структурой исследовательской системы, делает возможными в качестве структур систем, которые она тематизирует, другие проекты возможностей; формулируя заостренно, можно сказать, что возможность познания опирается как раз на невозможное в рамках познанных систем, а именно на их структурные «constraints»*. Соответственно этому системная теория системной теории должна была бы тематизировать невозможное в программе системной теории, причем не надо забывать, что возможность и невозможность в системной теории — вовсе не логически-аподиктические понятия: их всегда следует понимать как соотносящиеся со структурными условиями возможности. Для сегодняшней системной теории системно-теоретической темой будет прежде всего невозможность исследования объектов высокой и структурированной сложности. Это («системная теория *сегодняшней* системной теории») одновременно указывает на то, что и на такой ступени рефлексивности системная теория темпорализирует свой предмет, чтобы не терять возможности понимания свои модальных генерализаций в отношении других возможностей.

Синхронное использование различных рефлексивно связанных уровней высказывания, в которые можно ввести и различные ступени саморефлексии социальных систем, делает возможным одновременную актуализацию различных типов отношения к истории. Можно писать системную историю политически конституированных обществ в качестве политической истории и при этом проводить системно-теоретический анализ того, почему в общественных системах с преобладанием политических функций история свертывается в качестве политической. И если такие виды анализа можно производить *одновременно*, то это означает, что их возможность есть аспект присутствия прошлого в настоящем в обществах, обладающих соответствующей аналитической способностью. Совсем иной вопрос — на что были похожи прошлые настоящие.

IX

Исследование, направленное только на историю как прошедшее, останется неполным. История как темпоральная модализация систем — сама по себе

* Ограничения (*англ.*).

еще не объект исследования. Она есть временной горизонт, всегда подразумевающий и другой горизонт — будущее. Поэтому никакое историческое исследование не может игнорировать будущее. Неполнота понимания истории как прошлого будет осознана отчетливее, если обратить внимание на (1) темпоральную рефлексивность и (2) техническую нейтрализацию временных горизонтов. В то же время это усложняет и дифференцирует возможности анализа.

Для профессионального исторического исследования следует из всего прошедшего в настоящем отобрать моменты настоящего в прошлом. Тем самым противоположный горизонт — будущее — задействуется в нескольких смыслах: как будущее нашего настоящего, которое только и обеспечивает исследовательской технике объективацию истории, как настоящее в будущем исследованного настоящего в прошедшем и как будущее в настоящем исследованного настоящего в прошедшем. Следовательно, историк не может просто исходить из того, что «такое-то» будущее греческого полиса заключалось в Римской империи. Иначе он воспользовался бы перспективой мировой истории, принадлежащей своему собственному времени. Напротив, он должен это будущее — тогда предстоявшее, а сегодня прошедшее настоящее — отличать от будущего, актуального для самого греческого полиса как системы, будущее с его, полиса, собственной «точки зрения». Таковое определялось условиями возможности, складывавшимися, к примеру, из повторяемости законодательств, из неукорененности экономики в обществе, из небольшого объема системы, исключавшего долговременное состояние мира, и т. д. Такое различение будущих настоящих и настоящего будущего, которое должно проецироваться в прошедшее настоящее, вынудит историков применять системный анализ, понимая будущее с собственной «точки зрения» системы как модальную генерализацию системных структур, — в противном случае то будущее, что было актуальным с тогдашней точки зрения, исчезнет для исследователей в последовательно актуализировавшихся тогда (в прошлом) настоящих.

Такую взаимозависимость двух временных горизонтов — будущего и прошлого — можно показать и для общественных систем нашего настоящего и его временных перспектив. Тогда надо будет задаться вопросом: как нужно модализировать социальную систему в отношении ее настоящего будущего и настоящего прошедшего, чтобы время стало рефлексивным, а временные горизонты были нейтрализованы. Вкратце изложив основные моменты происхождения типа осознания времени, свойственного новому времени, мы уже предвосхитили ответ: речь должна идти об общественной системе, в которой доминирует горизонт будущего, об общественной системе, для которой селективность будущего важнее селективности прошлого.

Это положение нуждается в уточнении. Совершившиеся изменения не находятся ни в плоскости причинных связей, ни в плоскости оценок. Напротив, речь идет об изменении временного горизонта, исходно управляющего селективностью настоящего. Это уже не прошлая, а будущая селективность, на которую и следует главным образом ориентировать выбор образа действий в настоящем. Настоящее понимает себя как прошедшее в отношении вероятностно-случайных будущих настоящих и предварительно выби-

рает себя в рамках будущей случайности. Линии устойчивости, усиливающие селективные цепи, тянутся теперь не из прошедшего в настоящее, а из будущего в настоящее. Поэтому будущее как горизонт селективности становится тематическим. Поэтому же в новое время прерывается традиция модальной теории, рассматривавшая сведение логически возможного к реальному миру — одному из других возможных — в качестве *прошлого* процесса, а именно, как творения, а не как эволюции⁹⁷. И лишь в этой связи изменяются рабочие интерпретации каузальных зависимостей, целей и оценок. Цели, к примеру, понимаются уже не как кульминация какого-то процесса развития, имеющая место в настоящем, а как селекция вероятностно-случайного будущего, производимая в настоящем, а, стало быть, их оценка зависит от вердикта о шансах на реальность будущих вероятностей.

Системно-структурные условия такой перемены следует искать в изменениях, ведущих к производству избытка возможного, который может быть локализован лишь в будущем. Таковы прежде всего: четко выраженная функциональная системная дифференциация, высокая степень автономности подсистем, абстрактность функциональных перспектив и коммуникативных кодов с рядом инконгруэнтных, завышенных проекций возможности в подсистемах. Общества с такими структурными признаками открывают для своего будущего более чем одно возможное настоящее в каждой точке времени, чтобы достичь совместимости проекций подсистем хотя бы в возможном будущем. Право и истину, политику и экономику, научное исследование и образование, эмансипацию личности и организацию можно сделать совместимыми, только спроецировав перспективы из развития в вероятностно-случайное будущее, приводящее в действие взаимные притязания, ожидания и селективные стратегии в настоящем. У возможного будущего больше шансов быть сложным; оно совместимо с большим многообразием состояний общества. И как раз в этом заключается резон сменить ориентацию временных горизонтов. Лишь в будущем ориентация на временное измерение сможет достичь степени сложности, соответствующей структурной сложности современной общественной системы.

Если согласиться с тем, что на этой основе и само время должно стать более сложным, т. е. самостоятельным, объективируемым и рефлексивным, то историзм нашего общества, относящийся к эпохе нового времени, можно назвать отражением его будущего. Мысль эта не нова⁹⁸. Но сегодня мы можем сформулировать ее так, что она уже не будет привязана к линейно-телеологическому пониманию будущего. И лишь тогда окажется, что обладать историей стоит, поскольку она определяет условия возможности, но не имеет цели.

Перевод с немецкого Вадима Бакусева

ПЕРЕВОД ВЫПОЛНЕН ПО ИЗДАНИЮ: *Niklas Luhmann. Soziologische Aufklärung 2. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft. Westdeutscher Verlag. S. 103-133*

Примечания

- ¹ См. (учитывая, разумеется, что это далеко не источниковедческие исторические исследования): *S.N. Eisenstadt*, *The Political System of Empires*, New York/London 1963; *Talcott Parsons*, *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*, Englewood Cliffs, N.J., 1966; *его же*. *The System of Modern Societies*, Englewood Cliffs, N.J., 1971.
- ² См. об этом: *Niklas Luhmann*, *Sinn als Grundbegriff der Soziologie*, in: *Jürgen Habermas/Niklas Luhmann*, *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – Was leistet die Systemforschung?*, Frankfurt 1971, S. 25–100.
- ³ Это сравнение одновременно может служить ссылкой на неразрешенные логические проблемы такой симультанности двух временных плоскостей. См. об этом: *Arthur N. Prior*, *The Formalities of Omniscience*, in: *его же*, *Paper on Time and Tense*, Oxford 1968, p. 26–44.
- ⁴ См., напр.: *Pitirim A. Sorokin/Robert K. Merton*, *Social Time: A Methodological and Functional Analysis*, in: *The American Journal of Sociology* 42 (1937), p. 615–629; *Pitirim A. Sorokin/Clarence Q. Berger*, *Time-Budgets of Human Behaviour*, Cambridge Mass. 1939; *Meyer Fortes*, *Time and Social Structure: An Ashanti Case Study*, in: *Meyer Fortes* (изд.), *Social Structure: Studies Presented to A.R. Radcliffe-Brown*, 2 изд., New York 1963, p. 54–84; *Wilbert E. Moore*, *Man, Time, and Society*, New York/London 1963; *Elliott Jaques*, *The Measurement of Responsibility*, London 1956; *Murray A. Straus*, *Deferred Gratification, Social Class and the Achievement Syndrome*, in: *American Sociological Review* 27 (1962), p. 326–335; *Georges Gurwitsch*, *The Spectrum of Social Time*, Dordrecht 1964; *George W. Wallis*, *Chronopolitics: The Impact of Time Perspectives on the Dynamics of Change*, in: *Social Forces* 49 (1970), p. 102–108.
- ⁵ О неперенности этого тезиса об историческом сознании в марксистских (и не только в марксистских) теориях общества справедливо напоминает *Альфред Шмидт* (см.: *Alfred Schmidt*, *Geschichte und Struktur: Fragen einer marxistischen Historik*, München 1971).
- ⁶ Критическое обсуждение этого понятия переживания и парного ему понятия действия см. в: *Habermas/Luhmann*, *op. cit.*, S. 75 ff., 202 ff., 305 f. Кроме того, приведем сделанное устно возражение *Михаэля Тойнисена*, состоящее в том, что самоидентификацию можно обнаружить и в переживании переживания. Она имеет место при самоидентификации как «субъекта» переживания. От нее надо отличать идентификацию как саму селективную деятельность. Я поспорил бы с тем, что ее самоидентификация чем-то отличается от конституирования сознания действия. Тот, кто переживает себя в определенном качестве, сам выбирает (или, в типичном случае, уже выбрал) и переживает себя как действующего. Возникающее вместе с проблемой рефлексии осложнение можно устранить в рамках понятийного языка (и только тут), который вторично соотносит переживание и действие, т. е. позволяет говорить о переживании переживания, переживании действия, о разработке переживаний.
- ⁷ Этим путем идет и логический анализ высказываний о времени. См., напр.: *Arthur N. Prior*, *Time and Modality*, Oxford 1957; *его же*, *Past, Present and Future*, Oxford 1967; *его же*, *цит. соч.*, 1968; *Nicholas Rescher*, *Temporal Modalities in Arabic Logic*, Dordrecht 1967; *его же*, *Topics in Philosophical Logic*, Dordrecht 1968, p. 196 ff. с более подробными ссылками. Тем же путем идет и историк, определяя историю как «духовную форму, в которой культура дает себе отчет о прошлом» (*J. Huizinga*, *Wege der Kulturgeschichte*. Studien, München 1930, S. 86).
- ⁸ Мне кажется, это связано с изначальным логико-онтологическим подходом к проблеме модальностей и его последующим разворотом в сторону теории познания, и притом по той причине, что этот подход к проблеме блокирует прояснение взаимосвязи между модализацией и негацией. К примеру, бросается в глаза, что основополагающий источник (*Aristoteles*, *de interpr.*, гл. 12 и 13) считает положительные и отрицательные высказывания в эпистемологической модализации неэквивалентными, зато в модализации поссибилистской – эквивалентными, и это притом, что эпистемологическая модализация (мыслимо, познаваемо) предполагает поссибилистскую. Так, действительна эквивалентность «Возможно, чтобы... = Возможно, чтобы не...». Но недействительна эквивалентность «Мыслимо, что(бы)... = Мыслимо, что(бы) не...». См. об этом еще: *Heinrich Barth*, *Philosophie der Erscheinung: Eine Prob-*

- lemgeschichte, Bd. I. 2-е изд., Basel/Stuttgart 1966, S. 332 сл. Такая неэквивалентность в отношении негации сыграла важную роль в рамках западной логико-онтолого-теологической традиции; она и по сей день выражается в том, что преимущество в сфере теории времени и истории априорно отдается теоретико-познавательным постановкам вопроса.
- ⁹ См.: *Talcott Parsons*, Some Problems of General Theory in Sociology, in: *John C. McKinney/Edward A. Tiryakian* (изд.), *Theoretical Sociology: Perspectives and Developments*, New York 1970, p. 27–68 (30 сл.). См. еще: *Rainer C. Baum*, On Media Dynamics: An Exploration, in: *on же/Jean J. Loubser/A. Effrat/Victor Lidz* (изд.), *Explorations in General Theory in the Social Sciences*, New York (в печати). Кстати, очень похоже пишет о системах психических *Жан Пиаже* (*Die Bildung des Zeitbegriffs beim Kinde* [Формирование понятия времени у детей], Z. z. 1955, особ. с. 275 сл.).
- ¹⁰ Понятие генерализации впервые было введено в бихевиористской психологии и выражает как раз эту функцию организованной индифферентности и селективности поведения в условиях избыточного контраста со средой. См., напр.: *Clark L. Hull*, *Principles of Behaviour*, New York/London 1943, p. 183 ff.; *Franz Joseph Stendenbach*, *Soziale Interaktion und Lernprozesse*, Köln/Berlin 1963, S. 90 ff. Стимул к расширению этого понятия за рамки психологии и его распространению на случаи совместимости с множественными состояниями систем дает книга: *Talcott Parsons, Robert F. Bales, Edward A. Shils*, *Working Papers in the Theory of Action*, Glencoe, Ill., 1953, особ. с. 41 сл., 81.
- ¹¹ В традиции о модальностях это типовое различие часто затушевывается. Вероятно, наиболее выразительный пример можно найти в дискуссии de futuris contingentibus [о возможном будущем (*лат.*)], отправлявшейся от de intergr. 9 [«Герменевтики» Аристотеля. — *Пер.*], где проблема ставилась как поиск сочетания *темпоральной* и *поссибилистской* модализации и решалась, начиная с *Ансельма Кентерберийского* и вплоть до *Томаса Гоббса*, сперва на теологических, а затем на научных основаниях с помощью понятия *эпистемологической* модализации, а именно в русле представления о недовольности человеческого познания. — Менее известна соответствующая связь в схоластическом генерализирующем понятии «ampliatio» [расширение (*лат.*)], охватывающем временные периоды, но также и расширение возможного. См., напр.: *Joseph Mullally*, *The Summulae Logicales of Peter of Spain*, Notre Dame, Ind. 1945, p. 38 sqq.; *Vicent Muñoz Delgado*, *La lógica nominalista en la Universidad de Salamanca (1510–1530)*, Madrid 1964, p. 238 sqq. Мы еще и сегодня очень далеки от разъяснения различия и обоюдной обусловленности поссибилистских и темпоральных модализаций. Среди прочего — и, кажется, это задним числом оправдывает понятие ampliatio — надо задуматься о том, что модализации возможного употребляются для конституирования временной непрерывности познаваемого мира, а именно для «filling in of gaps in actual experience with a fabric of possibles» [заделки трещин в актуальном опыте цементом возможного (*англ.*)], по формулировке *Нелсона Гудмена* (*Fact, Fiction, and Forecast*, 2-е изд., New York/Kansas City 1965, p. 50.). Поэтому совсем не случайно, что осложнения, возникшие с теорией модальности в средние века и начале нового времени и приведшие к ее сведению до теоретико-познавательного уровня, совпадали со сложностью мышления о непрерывности времени вообще. См., напр.: *Ingegrud Pape*, *Tradition und Transformation der Modalität*, Bd. I, Hamburg 1966; *Georges Poulet*, *Fénelon et le temps*, in: *La Nouvelle Revue Française* 1954, p. 624–644; *Nicholas Rescher*, *Logische Schwierigkeiten der Leibnizschen Metaphysik*, *Studia Leibnitiana Supplementa I, Akten des Internationalen Leibniz-Kongresses Hannover*, 14–19. November 1966, bd. I, Wiesbaden 1968, S. 253–265 (256 ff.).
- ¹² Такое предшествование возможного необходимому было установлено уже в знаменитых 12-й и 13-й главах *de interpretatione*, но было абсолютизировано лишь в средневековой теории творения в качестве условия свободы Бога и использовано для подрыва космологического миропонимания в положении, «quod contingentia non est tantum privatio vel defectus entitatis (sicut est deformitas in actu illo qui est peccatum), immo contingentia est modus positivus entis (sicut necessitas est alius modus), et esse positivum — quod est in effectu — principalius est a causa priore» [«что возможность — отнюдь не просто отсутствие или недостача сущности (как есть уродство в поступках того, кто согрешил); напротив, возможность есть положительный вид сущего (а необходимость — его другой вид) и положительное бытие — в той мере, в какой она реализуется, — более первичное, нежели первопричина» (*лат.*)] (*Duns Scotus*, *Ordinatio I. dist. 39 ad arg. pro tertia opinione*, цит. по: *Opera omnia*, Civitas Vaticana ab 1950,

- t. VI, p. 444. В этом смысле теория творения – предшественница эволюционной теории.
- ¹³ См., напр.: *Hans Julius Wolff*, Der Ursprung des gerichtlichen Rechtsstreits bei den Griechen, in: *ego же*, Beiträge zur Rechtsgeschichte Altgriechenlandes und des hellenistisch-römischen Ägyptens, Weimar 1961, S. 1–90. О том, что это может быть не просто требованием научного анализа, а, к примеру, еще и требованием политического согласия и легитимации, свидетельствуют «Эвмениды» Эсхила.
- ¹⁴ Уже теоретико-познавательная постановка проблемы, какой ее можно найти у *Канта*, в принципе была генерализацией прежних постановок вопроса в теории модальности, и притом следствием того, что вопрос ставится теперь уже не просто о *возможном*, а о *возможности* и, значит, о понятийной возможности понятия возможного. См. об этом: *Pape*, op. cit., S. 216 ff. При такой уже вдвойне модализированной (см. ниже, разд. V) постановке вопроса *Кант* натывается на вопрос об условиях возможности возможности и ставит его уже не теологически, а теоретико-познавательльно – как вопрос об условиях, при которых познание может оперировать модальными категориями.
- ¹⁵ Именно так поступает марксистская теория эволюции систем, делая важные указания на историческую относительность контраста возможного и невозможного. См.: *Gerd Pawelzig*, Dialektik der Entwicklung objektiver Systeme, Berlin 1970, особ. с. 197 слл.
- ¹⁶ Эта зависимость весьма отчетливо выступает у китайских легистов. См. особенно введение к кн.: *J.J.L. Duyvendak*, The Book of Lord Shang: A Classic of the Chinese School of Law, London 1928; далее подробно в: *Léon Vandermeersch*, La formation du légisme: Recherches sur la constitution d'une philosophie politique caractéristique de la Chine ancienne, Paris 1965. Второстепенная литература о европейском понятии природы в общем не слишком отчетливо улавливает политико-экономический контекст, но допускает обратные заключения, когда, к примеру, учитывает соотношение экономики и политики в греческом полисе. О понятии природы в общественном контексте см., напр.: *J.W. Beardslee*, The Use of Physis in Fifth-Century Greek Literature, Diss. Chicago 1918; *Joachim Ritter*, «Naturrecht» bei Aristoteles, Stuttgart 1961; *Gaines Post*, Studies in Medieval Legal Thought, Princeton 1964, p. 494 sqq.; La filosofia della natura nel Medioevo. Atti del Terzo Congresso Internazionale di Filosofia Medioevale, Milano 1966; *Hans Blumenberg*, «Nachahmung der Natur»: Zur Vorgeschichte der Idee des schöpferischen Menschen, in: Studium Generale 10 (1957), S. 266–283; *Heribert M. Nobis*, Frühneuzeitliche Verständnisweisen der Natur und ihr Wandel bis zum 18. Jahrhundert, in: Archiv für Begriffsgeschichte 11 (1967), S. 37–58; *Robert Spaemann*, Genetisches zum Naturbegriff des 18. Jahrhunderts, in: Archiv für Begriffsgeschichte 11 (1967), S. 59–74; *Alfred Schmidt*, Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx, Frankfurt 1962.
- ¹⁷ См., напр.: *Siegfried F. Nadel*, Reason and Unreason in African Law, in: Africa 26 (1956), p. 160–173 (164 sqq.).
- ¹⁸ Этому соответствует требование функционально соотносить с проблемой селекции как понятие информации, так и понятие сознания. О понятии информации см., напр.: *Donald M. MacKay*, Information, Mechanism and Meaning, Cambridge Mass./London 1969. В рамках психологии сознания эту идею можно проследить как минимум до *Уильяма Джеймса*; после него ее можно найти прежде всего в исследованиях внимания. В качестве принципиальной формулировки, допускающей связь с постановками вопроса в русле трансцендентального идеализма, см.: *Gottard Günther*, Bewußtsein als Informationsraffer, in: Grundlagenstudien aus Kybernetik und Geisteswissenschaft 10 (1966), Heft 1, S. 1–6.
- ¹⁹ Интересный пример дифференциации всеобщей истории общества и частных системных историй (истории кланов, «personal history» [«личной истории» (англ.)]) можно найти в кн.: *Ian Cunnison*, History of the Luapula: An Essay on the Historical Notions of a Central African Tribe, Cape Town/London/New York 1951, интересной еще и тем, что описание и интерпретация системной истории, представляющей собой ряд щекотливых и темных событий, предоставлены обладателям статусных позиций в системе. Сходные результаты, хотя и с более слабой исторической ориентированностью, дает исследование: *Paul Bohannan*, Concepts of Time Among the Tiv of Nigeria, in: Southwestern Journal of Anthropology 9 (1953), p. 251–262. О соответствующих дифференциациях уровней в религиозной картине мира архаических обществ см.: *Robin Horton*, The Kalabari World-View: An Outline and Interpretation, in: Africa 32 (1962), p. 197–220; *John Middleton*, Lugbara Religion: Ritual and Authority Among an East African People, London 1960, p. 235 sqq.

- ²⁰ Для таких социальных систем, как допрос, судебный процесс, дознание любого рода, можно продемонстрировать особый случай, когда системная история начинается с частичной нейтрализации мировой истории, имея целью ее реконструкцию. Именно тогда селективные фазы системной истории должны проводиться в жизнь с сугубой обязательностью, с внятностью и прозрачностью своей селективности, поскольку они касаются неясных, сомнительных или спорных сторон мировой истории. Системная история должна субституироваться тут как база для надежности мировой истории. См. об этом: *Aaron V. Cicourel, The Social Organization of Juvenile Justice*, New York/London/Sydney 1968, особ. резюме на с. 328 слл.
- ²¹ См.: *Niklas Luhmann, Einfache Sozialsysteme* (в этой книге, с. 21–38 (26 слл.)) [т. е. в авторском сборнике статей, в который входит и данная статья: *Niklas Luhmann. Soziologische Aufklärung 2. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft* (Луман Н. Социологическое просвещение 2. Статьи по теории общества)].
- ²² Хороший пример – вольности при изложении своей биографии, какие можно наблюдать у посетителя баров. См.: *Sherril Cavan, Liqueur License: An Ethnography of Bar Behaviour*, Chicago 1966, p. 54 sq., 79 sqq. Этот пример заодно показывает, что вольности в отношении мировой истории связаны, в частности, с вопросом о том, есть ли у данной системы будущее в мире, способном предъявить непредсказуемые требования к ее устойчивости и совместимости. См. об этом еще: *Egon Bittner, The Police on Skid-Row: A Study of Peace-Keeping*, in: *American Sociological Review* 32 (1967), p. 699–715.
- ²³ Проблема осложняется, несмотря на наличие функциональных эквивалентов для истории, каковы правовые условия, программы, делопроизводство. Последствия можно наблюдать в настоящее время в деятельности многочисленных университетских ученых советов.
- ²⁴ Тут у нас есть прежде всего модели, созданные теорией организаций. См. в качестве резюме: *Andrew S. McFarland, Power and Leadership in Pluralist Systems*, Stanford Cal. 1969, p. 16; *Gerd Pawelzig, Dialektik der Entwicklung objektiver Systeme*, Berlin 1970, S. 136.
- ²⁵ Из числа содержательных исследований сложности психических систем см., напр.: *O.J. Harvey, David E. Hunt, Harold M. Schroder, Conceptual Systems and Personality Organization*, New York/London/Sydney 1961; *Edward L. Walker, Psychological Complexity as a Basis for a Theory of Motivation and Choice*, Nebraska Symposium on Motivation 1964, p. 47–95; *William A. Scott, Cognitive Complexity and Cognitive Flexibility*, in: *Sociometry* 25 (1962), p. 405–414; *его же, Cognitive Complexity and Cognitive Balance*, in: *Sociometry* 26 (1963), p. 66–74; *Joseph S. Vannoy, Generality of Cognitive Complexity – Simplicity as a Personality Construct*, in: *The Journal of Personality and Social Psychology* 2 (1965), p. 385–396; *Peter Suedfeld, Siegfried Streufert, Information Search as a Function of Conceptual and Environmental Complexity*, in: *Psychonomic Science* 4 (1966), p. 351–352; *Harold M. Schroder, Michael J. Driver, Siegfried Streufert, Human Information Processing*, New York 1967; *Uriel G. Foa, Terence R. Mitchell, Fred D. Fiedler, Differentiation Matching*, in: *Behavioural Science* 16 (1971), p. 130–142.
- ²⁶ Подобным образом уже в античности из вещной дифференциации (видов) в качестве условия возможности движения делал вывод о соположенности мира и времени, с той только разницей, что в основе этого вывода лежало не понятие селекции, а понятие движения, и потому область его соотнесения – мир – понималась в смысле конечно-упорядоченного множества. См.: *Аристотель, Физика IV, 14; Августин, Исповедь XII, 8.*
- ²⁷ На это указывает то, что в языке функции выражения времени закреплены за глаголом, а по мере роста культурной способности к абстрагированию они пользуются прежде всего пространственными наглядными формами. См., напр.: *John Mbiti, Les Africains et la notion du temps*, in: *Africa* 8 (1967), p. 33–41.
- ²⁸ Хороший пример, заодно демонстрирующий связь с принципом *сегментарной* общественной дифференциации, приведен в: *E.E. Evans-Pritchard, The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Institutions of a Nilotic People*, Oxford 1940, p. 105 sqq.; *его же, Nuer Time Recognizing*, in: *Africa* 12 (1969), p. 189–216.
- ²⁹ См.: *Bohannan, op. cit; Mbiti, op. cit; Nicholas J. Gubser, The Nunamiut Eskimos: Hunters of Caribou*, New Haven/London 1965, p. 28 sqq.; *John Middleton, The Lugbare of Uganda*, New York 1965, p. 18 sqq.; *Ernst Jenni, Das Wort « 1 m » im Alten Testament*, Berlin 1953. Позднее это изначальное представление о времени, отодвигающее будущее и прошлое в неразличимую даль, трансформировалось в рациональную модель «круговращения времени». Самое известное изложение см. в: *Mircea Eliade, Kosmos und Geschichte: Der Mythos der ewigen Wiederkehr*, Düssel-

- dorf 1953 [нем. пер. кн.: *Мифы Элиаде*. Космос и история: миф о вечном возвращении]. Другая рациональная форма этой изначальной постановки проблемы — представление об удвоенном времени, обсуждавшееся в средние века в русле *Тимея* (37d — 38c) и «Утешения Философией» *Бозция*. Вечность при этом представляли себе не как состояние, не ограниченное временем, а как симультанный в любое время «praesentarius status» [«наличие» (*lat.*)], пользуясь которым Бог управляет течением времени. См. кое-что об этом в кн.: *Pierre Duhem, Le système du monde: Histoire des doctrines cosmologiques de Platon á Copernic*, 2-е, расширенное на несколько томов издание, Париж, начиная с 1954, особ. т. VII, с. 303 слл.; *J.M. Parent, La doctrine de la création dans l'école de Chartres: Etudes et textes*, Paris 1938, p. 95 sqq. Теория круговращения и теория нескольких уровней — разные формы рационализации того изначального ощущения, что некогда будущее и прошлое совпадут. Указывающий на будущее характер теории нескольких уровней состоит в том, что она больше не ограничивает временной поток четко выраженными состояниями «прежде» и «позже», а доверяет это дело лишь кормчей воле Бога (впоследствии «секуляризированной»).
- ³⁰ См. об этом: *Josiah Royce, The Problem of Christianity*, New York 1913, переизд.: Chicago/London 1968, p. 248 sq.
- ³¹ См. об этом: *S.G.F. Brandon, History, Time and Deity: A Historical and Comparative Study of the Conception of Time in Religious Thought and Practice*, Manchester 1965.
- ³² Это, конечно, вовсе не каузальная гипотеза, ведь исторические причины, по которым представления о времени начали развиваться в эту сторону, могли быть весьма сложными, к примеру, зависеть от того, что Месопотамия знала великое множество городских систем, ее политическое развитие претерпело множество перемен и потому не могло привести к одной-единственной, безальтернативной универсальной иерархии религиозных, экономических и военно-политических функций.
- ³³ См. превосходное изложение у *M. David, Les dieux et le destin en Babylonie*, Paris 1949; далее: *John G. Gunnell, Political Philosophy and Time*, Middleton Conn. 1968, особ. с. 39 слл. Острый контраст между египетской и месопотамской культурами вызывает к пересмотру, поскольку и в Египте шли известное дистанцирование высшего божества и правителя, этизация религии, проблематизация представлений об истине — справедливости (Маат), намечалась проблема теодицеи и по всем этим причинам закладывались начала исторического, одновременно циклического и линейного понятия времени. Обо всем этом см.: *Siegfried Morenz, Ägyptische Religion*, Stuttgart 1960. В результате эволюционно-теоретическая гипотеза о связи между случайностью и временем скорее подтверждается, чем ослабляется.
- ³⁴ См., напр.: *Hans Wildenberger, Jesajas Verständnis der Geschichte*, in: *Supplements to Vetus Testamentum*, vol. IX, Leiden 1963, S. 83–117. Следует учесть, впрочем, вторую взаимосвязь — социального и временного измерений, причем на ум приходит мысль, высказанная в кн.: *J. March, The Fulness of Time*, London 1952: национальное единство Израиля переживается во враждебном окружении (corporate personality? [коллективная личность (*англ.*); вопросительный знак автора; глоссу он отнес не туда — следовало, вероятно, после «национальное единство». — *Пер.*]) так сильно, что эта тотальность сказывается и на времени, соединяя временные горизонты прошлого и будущего в настоящем (или по крайней мере делая их актуальными).
- ³⁵ Одним примером может служить образование специального понятия истины о непосредственно данном переживании мира; другим — образование понятия права и представление об общезначимых нормах в отношении непосредственно пережитых (причем подчас — к разочарованию) нормативных ожиданий.
- ³⁶ В истории мышления о времени это требование выражается в том, что время определяется уже не как движение, а как мера движения. Приблизительно тогда же правовые нормы подчиняются критерию справедливости, а эмпирическое знание — понятию истины в форме двузначной логики.
- ³⁷ Параллельное явление в развитии психических систем исследовал *Жан Пиаже* (ор. cit.). Психическое развитие *сегодня*, разумеется, может применять имеющиеся образцы и механизмы (такие, как пользование часами) путем наблюдения за поведением других и научения и потому зависит от уровня, достигнутого развитием общества.
- ³⁸ Хороший пример трудного усвоения встречно-обратного отсчета времени представляет собой сложность и медленность введения датировки времени «до рождества Христова» (до

- н.э.) и замене ею датировки «от сотворения мира» — исчисление времени от (до) рождения Христа окончательно вытеснило основанное на библейской картине мировой истории [автор имеет в виду, вероятно, ветхозаветную картину. — *Пер.*] лишь в 18-м столетии, причем это произошло не по теологическим причинам, а ввиду его точности и достоверности для исторического исследования. См.: *Adalbert Klempt*, *Die Säkularisierung der universalhistorischen Auffassung: Zum Wandel des Geschichtsdenkens im 16. und 17. Jahrhundert*, Göttingen/Berlin/Frankfurt 1960; а также: *Reinhard Wittram*, *Das Interesse an der Geschichte*, 2. Aufl. Göttingen 1963, S. 123 ff.
- ³⁹ Распространенная гипотеза, будто уже [древние. — *Пер.*] евреи мыслили время линейным, уже по социологическим соображениям нуждается в пересмотре. О такого рода сомнениях см.: *Gunnell*, *op. cit.*, p. 63 sq. Сомнения относятся не к пространственной аналогии как таковой (ее можно обнаружить уже в Египте — см.: *Siegfried Morenz*, *op. cit.*, S. 79 ff.), а к имплицитно содержащемуся в ней абстрактному представлению о настоящем и к тому положению, что в столь раннюю эпоху в ходу было одно-единственное понимание времени. Критические взгляды на это представление, распространяемое в основном теологами, см. также в: *J. Barr*, *Biblical Words for Time*, London 1962 и *Arnaldo Momigliano*, *Time in Ancient Historiography*, in: *History and the Concept of Time*, приложение 6 к *History and Theory*, s.l. [Middletown Conn.] 1966, p. 1–23; *Max Seckler*, *Das Heil in der Geschichte: Geschichtstheologisches Denken bei Thomas von Aquin*, München 1964, особ. с. 151 слл. Столь же проблематично и неполно исследование противоположной картины циклического переживания времени у греков. См. об этом, помимо цит. соч. *Момильяно*, статью: *Pierre Vidal-Naquet*, *Temps de dieux et temps des hommes: Essai sur quelques aspects de l'expérience temporelle chez les Grecs*, in: *Revue de l'histoire des religions* 157 (1960), p. 55–80.
- ⁴⁰ См. выше, прим. 29.
- ⁴¹ Это еще не объясняет того, что, собственно, значит «синхронность». Датировки, разумеется, дают лишь техническую возможность договориться между собой. Традиция теологического подхода к проблеме, равно как и дискурсы *Кьеркегора*, *Бергсона*, *Шютца*, говорят, что это понятие можно определить в конечном счете лишь на основе социального измерения, и притом в качестве возможности коммуникации. Именно поэтому проблема заключается не в синхронности событий, а в синхронности селективных процессов, на которые тоже нужно время.
- ⁴² См.: *Niklas Luhmann*, *Moderne Systemtheorien als Form gesamtgesellschaftlichen Analyse*, in: *Habermas/Luhmann*, *op. cit.*, S. 7–24; *его же*. *Gesellschaft*, in: *Soziologische Aufklärung I*, 4-е изд., Opladen 1974, S. 137–153.
- ⁴³ Цитирую дословно: «The longer the time perspective, and the broader the system involved, the greater is the *relative* importance of higher, rather than lower, factors in the control hierarchy, regardless of whether it is pattern maintenance or pattern change that requires explanation» [«Чем обширнее временная перспектива и чем значительней задействована система, тем больше *относительная* значимость факторов регулятивной иерархии (и вышестоящих в ней — скорее, чем нижестоящих), невзирая на то, какую из парадигм — стабильности или изменения — требуется объяснить» (*англ.*)] (*Societies. Evolutionary and Comparative Perspectives*, Englewood Cliffs, N.J. 1966, p. 113). За этой гипотезой стоит не подробный анализ временного измерения, а представление о возрастающей дифференциации (относительно кратковременных) социальных систем и (относительно долговременных) систем культуры.
- ⁴⁴ В этом состоит одно из важнейших ограничений для определения возможностей. Тот, кто задается целью сделать matrimonialное предложение императрице *Екатерине*, вряд ли встретит в нынешнем Ленинграде соответствующее переживание и действие.
- ⁴⁵ См., напр.: *A. Meinong*, *Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit: Beiträge zur Gegenstandstheorie und Erkenntnistheorie*, Leipzig 1915, особ. с. 125 сл. *Мейнонг* говорит об итерации.
- ⁴⁶ См., напр., у *Фомы Аквинского*, *Quaestiones disputatae de veritate* q. II art. 12 ad septimum [Проблема истины, вопрос II, парагр. 12, к седьмому пункту (*лат.*)].
- ⁴⁷ Этим выражением, применяя его к 19-му веку, пользуется и *Вернер Гент* (*Werner Gent*, *Das Problem der Zeit*, Frankfurt 1934, переизд. Hildesheim 1965).
- ⁴⁸ Это, разумеется, тоже заставляет сделать выводы относительно степени абстракции, необходимой в теории времени. См. в этой связи о «changes of changes» [изменениях изменений (*англ.*)] в кн.: *Arthur N. Prior*, *Papers on Time and Tense*, Oxford 1968, p. 1 sqq. О выводах в рам-

- ках теории развития исторического материализма см.: *Gerd Pawelzig*, *Dialektik der Entwicklung objektiver Systeme*, Berlin 1970, S. 46 ff.
- ⁴⁹ См.: *Theodor Litt*, *Die Wiedererweckung des geschichtlichen Bewußtseins*, Heidelberg 1956, S. 75.
- ⁵⁰ См. в качестве только одного примера: *O. Philippe*, *L'histoire dans ses rapports avec la sociologie et la philosophie*, in: *L'Homme et l'Histoire: Actes du VIe congrès des sociétés de philosophie de langue française*, Paris 1952, p. 35–40 (36). «Субъективный» там надо понимать как настоящее прошедшее (прошедшее с точки зрения настоящего. — *Пер.*), «объективный» — как прошедшие настоящие (моменты настоящего времени в прошлом. — *Пер.*).
- ⁵¹ См. введенное в этнологию различие между «ethnohistory» [этнической историей (*англ.*)] (т.е. историческим исследованием примитивных обществ) и «folk history» [народной историей (*англ.*)] (т.е. историей актуально-наличной belief system [системой взглядов (*англ.*)] в кн.: *Charles Hudson*, *Folk History and Ethnohistory*, in: *Ethnohistory* 13 (1966), p. 52–70. См. также: *E.E. Evans-Pritchard*, *Anthropology and History*, in: *ego же*, *Essays in Social Anthropology*, New York 1963, p. 46–65 (51 sqq.).
- ⁵² Таким же образом дело обстоит и со всеми представлениями о времени. В этой связи см. также: *I. Meyerson*, *Le temps, la mémoire, l'histoire*, in: *Journal de psychologie normale et pathologique* 53 (1956), p. 333–354 (336 sqq.).
- ⁵³ Он не понимается и тогда, когда о нем, как это принято среди историков, судят с точки зрения исторического релятивизма — как о релятивизме, гомогенизированном некритическими представлениями о времени.
- ⁵⁴ См.: *Der Zeitbegriff in der Geschichtswissenschaft*, in: *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* 160 (1916), S. 173–188.
- ⁵⁵ Возникшее в 19-м веке индивидуализирующее историческое сознание, которое, разумеется, не давало себе отчета в предпосылках собственной теории времени, было *результатом* такой историзации времени, но не умело выразить ее адекватно. Оно пришло на смену старой манере экземплиаристского изложения истории, предполагавшего своего рода моральную континуальность прошедшего и настоящего и тем самым не связывавшего исторические события как эмпирические опоры морали с их исторической значимостью. См. об этом: *George H. Nadel*, *Philosophy of History Before Historicism*, in: *The Critical Approach to Science and Philosophy*. In Honor of Karl R. Popper, New York/London 1964, p. 445–470.
- ⁵⁶ См. об этом также: *Jiri Kolaja*, *Social System and Time and Space: An Introduction to the Theory of Recurrent Behaviour*, Pittsburgh 1969, p. 7 sqq.
- ⁵⁷ См. эссе *On Spurious Egocentricity*, in: *Prior*, op. cit. (1968), p. 15–25; далее, о проблеме определения одновременности, см. выше (прим. 41).
- ⁵⁸ Если я правильно понимаю, *Прайор* (цит. соч., 1957, с. 10 и цит. соч., 1968, с. 8 и др.) занимает противоположный исходный пункт и, чтобы добиться некоторых логических упрощений, рассматривает настоящее будущее как одновременное будущим настоящим. *Николас Решеф* (*Nicholas Rescher*, *Truth and Necessity in Temporal Perspective*, in: *Richard M. Gale* (изд.), *The Philosophy of Time*, London 1968, p. 183–220) в связи с дискуссией о будущих случайностях также рассматривает «the present assertion of a future-oriented proposition ... as amounting to a future assertion of a present-oriented proposition» [*настоящее* высказывание суждения о будущем ... как равнозначное *будущему* высказыванию суждения о настоящем» (*англ.*)] (с. 214), хотя, как известно, перенесение значения истинности от одной формы высказывания на другую невозможно. Тем самым наша проблема историзации остается незатронутой.
- ⁵⁹ Это опять-таки позволяет провести параллели с категориями *Маркса*. См. об этом: *Alfred Schmidt*, op. cit., S. 13 f, 65 ff.
- ⁶⁰ А на следующем шаге этот ряд можно исследовать эволюционно-теоретически, как возрастные степени сложности общественной системы.
- ⁶¹ Так что изначальную тотальность временной модальности без прочной привязки к определенному времени пришлось открывать заново с большим трудом. См.: *Harald Weinrich*, *Tempus: Besprochene und erzählte Welt*, 2-е изд., Stuttgart 1971.
- ⁶² Можно согласиться с *Францем Ксавером Кауфманом* (*Sicherheit als soziologisches und sozialpolitisches Problem: Untersuchungen zu einer Weltidee hochdifferenzierter Gesellschaften*, Stuttgart 1970), анализирувавшим это изменение, исходя из специфически гражданских механизмов противодействия ему, в данном случае — сферы безопасности. Можно показать и прямые связи между соответствующими политическими идеями, как поступил *Бернхард*

- Вильмс (Die Antwort des Leviathan – Thomas Hobbes' politische Theorie, Neuwied/Berlin 1970).
- ⁶³ См., напр.: *Ronald D. Laing, Herbert Philippson, A. Russell Lee, Interpersonal Perception: A Theory and a Method of Research*, London/New York 1966.
- ⁶⁴ См., напр.: *E. Benveniste, De la subjectivité dans le langage*, in: *Journal de psychologie normale et pathologique* 55 (1958), p. 257–265. В языковом отношении персонализация глаголов могла бы служить, вероятно, для выражения не столько субъективности, сколько контраста «система – среда», а именно для обособления коммуникативного отношения к тому, что к этому контрасту не относится. См.: *Harald Weinrich*, op. cit., S. 28 ff.
- ⁶⁵ Виртуозность, проявляемую в этой сфере, специально исследовал *Эрвинг Гоффман*. См. его сочинения: *Erving Goffman, The Presentation of Self in Everyday Life*, 2-е изд., Garden City N.Y. 1959 и особ.: *Strategic Interaction*, Philadelphia 1969.
- ⁶⁶ Звучащие сегодня утверждения, будто это были всего лишь способы самообмана или идеологические проявления господствующего класса, сколь обыкновенны, столь и поверхностны. До известной степени это могло быть случайностью, а могло и не быть ею; гораздо интереснее, что в гражданском обществе для проблем такой сложности и такого уровня абстрактности вообще могли выбираться столь относительно простые институциональные решения, в то время как нынешняя эпоха с ее многократно возросшей общественной сложностью, видимо, отказывается – по крайней мере, в политической сфере – от социальной рефлексивности и исторического сознания, чтобы получить возможность действовать исходя из наивных соображений, тонких лишь в тактическом отношении.
- ⁶⁷ Это можно проиллюстрировать темой *истории свобод*. *Вилли Ольмюллер* (см.: *Willi Ölmüller, Was ist heute Aufklärung?*, Düsseldorf 1972) понимает под ней историю незавоеванных свобод, которую надо подводить к их полному завоеванию. Это – теория прогресса. Я бы понимал под ней скорее историю утраченных свобод, воспроизведение которых вынуждает настоящее овладеть более абстрактными категориями и в *этом* смысле служит накоплению свободы как сознания случайности.
- ⁶⁸ В отношении теории социальной динамики см. прежде всего: *Neil J. Smelser, Theory of Collective Behaviour*, New York 1963; далее (на историческом материале): *Othein Rammstedt, Sekte und soziale Bewegung: Soziologische Analyse der Täufer in Münster (1534/35)*, Köln/Opladen 1966. Для области теории интеракции см., напр.: *Erving Goffman, The Moral Career of the Mental Patient*, in: *его же, Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*, Chicago 1962, или: *Howard S. Becker, Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*, New York/London 1963.
- ⁶⁹ Для сравнения с представлениями о времени более поздних цивилизаций см., напр.: *Marian W. Smith, Different Cultural Concepts of Past, Present, and Future: A Study of Ego Extension*, in: *Psychiatry* 15 (1952), p. 395–400.
- ⁷⁰ См.: *Rüdiger Schott, Das Geschichtsbewußtsein schriftloser Völker*, in: *Archiv für Begriffsgeschichte* 12 (1968), S. 166–205; *Burr C. Brundage, The Birth of Clio: A Resume and Interpretation of Ancient Near Eastern Historiography*, in: *H. Stuart Hughes* (изд.), *Teachers of History*, Ithaca, N.Y., 1954, p. 199–230.
- ⁷¹ Пример, вызвавший наибольшее количество обсуждений, – библейская концепция истории. В компаративном отношении см.: *Brandon*, op. cit. (1965), p. 106 sqq.; *Gunnell*, op. cit. Явно сюда же, кроме того: *Johannes Hempel, Glaube, Mythos und Geschichte*, Berlin 1953; *его же, Geschichten und Geschichte im Alten Testament bis zur persischen Zeit*, Gütersloh 1964, особ. с. 51 слл.; *Oscar Cullmann, Heil als Geschichte*, Tübingen 1965, S. 117 ff. О греческом историописании см., напр.: *François Châtelet, La naissance de l'histoire*, Paris 1962, где подчеркнута связь между политической конституцией общества, упразднением архаического различия генеалогического и мифического времени и распространением сознания непрерывности времени на более длинные цепи событий и решений.
- ⁷² Сильвио Аккаме (*Silvio Accame, La concezione del tempo nell'età arcaica*, in: *Rivista di filologia e di istruzione classica* n.s. 39 (1961), p. 359 – 394) надеется показать, что это расширение непрерывности греки искали сначала в отношениях между настоящим и будущим – из-за крушения микенской культуры? – в то время как евреи – главным образом в отношениях между настоящим и прошлым. Возможно, с этим связана постоянно меняющаяся позже оценка «метемгиа» [памяти (*лат.*)] и «сигиоситас» [любопытности (*лат.*)].
- ⁷³ Хороший пример дает опять-таки библейский миф о творении, политический характер ко-

того становится различим, если рассматривать его (вместе с Кеннетом Берком, см.: *Kenneth Burke, The Rethoric of Religion: Studies in Logology*, Boston 1961, p. 174 sqq.) «сзади», т. е. с точки зрения той эпохи: нужны были наказания, значит, требуется и грех, т. е. стратегически расставленные негации, т. е. — в качестве их подоплеки — нечто позитивное, а именно творение. Одновременно этот миф, морально выводя ущербность из нарушения норм, дает обоснование моральной регуляции экономического поведения, видимо, неизбежной при скромном экономическом потенциале общества. О последнем см. также: *George M. Foster, Peasant Society and the Image of Limited Good*, in: *American Anthropologist* 67 (1965), p. 293–315; *Jochen Röpke, Primitive Wirtschaft, Kulturwandel und Diffusion von Neuerungen*, Tübingen 1970, S. 38 ff.

- ⁷⁴ Хорошее контрольное исследование можно найти у Биттнера (*Bittner*, op. cit.), констатирующего, что в трущобах, где люди ориентируются на крайне короткие периоды времени, не может быть никакого принципа вины. Ср., далее, констатацию сокращения субъективно значимых промежутков времени в ходе экспериментов с аномальным поведением, проведенных Питером Макхьюгом (*Peter McHugh, Defining the Situation: The Organization of Meaning in Social Interaction*, Indianapolis/New York 1968), особ. резюме на с. 136 сл.: «The tentative agnosticism of surprise leads to an emphasis on immediate arrangements in the environment, the *social* present, and out of this assessment comes a change in the meaning of events in the *chronological* past. Order, on the other hand, deemphasizes the chronological present in favor of the linkage of events through the social past and toward the future. During order, that is, events to be defined in the *chronological* present exist in the *social* (emergent) past and future. During disorder, the meaning that resides in the chronological past and future is discovered in the social (relative) present. It is a harlequin design that is less metaphorical than chronology, because it is closer to the actual rhythm of definition and its consequences.» [Возникающая в условиях внезапности неуверенность склоняет к немедленной систематизации среды, социального настоящего, а такая ориентация ведет к изменению смысла событий хронологически прошлого. Порядок, с другой стороны, снижает значимость хронологически настоящего в пользу связывания событий посредством социального прошлого и в их отношении к будущему. Ведь в условиях порядка события, которые надо четко разместить в хронологически настоящем, существуют в социальном (ближайшем) прошлом и будущем. В условиях беспорядка смысл, существующий в хронологически прошлом и будущем, обнаруживается в социальном (относительном) настоящем. Эта модель двойственна, т. е. и метафорична, и хронологична, поскольку является переключателем в постоянной смене фокусировки и ее результатов (англ.)]
- ⁷⁵ См.: *Louis Gernet, Le temps dans les formes archaïques du droit*, in: *Journal de psychologie normale et pathologique* 53 (1956), p. 379–406.
- ⁷⁶ См.: *Karl Löwith, Die Dynamik der Geschichte und Historismus*, in: *Eranos-Jahrbuch* 21 (1953), S. 217–254 (218).
- ⁷⁷ См. его кн.: *Critique de la raison dialectique*, v. I, Paris 1960, p. 200 sqq. См. об этом также: *Klaus Hartmann, Sartres Sozialphilosophie: Eine Untersuchung zur "Critique de la raison dialectique I"*, Berlin 1966, S. 86 ff.
- ⁷⁸ Историческая изменчивость принципа дефицита обсуждалась главным образом в рамках экономической этнологии. Обзор этого обсуждения см. в: *Jochen Röpke, Neuere Richtungen und theoretische Probleme der Wirtschaftsethnologie*, in: *Hermann Trimmborn* (изд.), *Lehrbuch der Völkerkunde*, 4. Aufl. Stuttgart 1971, S. 446 — 457. Исходный пункт дискуссии см. в: *Karl Polanyi, Conrad M. Arensberg, Harry W. Pearson, Trade and Market in the Early Empires*, Glencoe Ill. 1957. Далее особ.: *George M. Foster, Peasant Society and the Image of Limited Good*, in: *American Anthropologist* 67 (1965), p. 293–315.
- ⁷⁹ Подробнее об этом см.: *Niklas Luhmann, Knappheit, Geld und die bürgerliche Gesellschaft*, in: *Jahrbuch für Sozialwissenschaft* 23 (1972), S. 186–210.
- ⁸⁰ Это, вероятно, связано с доминирующим по сей день интересом к критериям выбора между значениями истины и лжи. См. также: *Herbert Schnädelbach, Dispositionsbegriffe der Erkenntnistheorie: Zum Problem ihrer Sinnbedingungen*, in: *Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie* 2 (1971), S. 89–100, где автор рекомендует вернуться к Канту.
- ⁸¹ Так считает, например, Гастон Башляр (см.: *Gaston Bachelard, La formation de l'esprit scientifique: Contribution à une psychoanalyse de la connaissance objective*, Paris 1938).

- ⁸² См., напр.: *Ernest W. Burgess*, *The Romantic Impulse and Family Disorganization*, in: *Survey* 57 (1927), p. 290–294; *Wilhard Waller/Reuben Hill*, *The Family: A Dynamic Interpretation*, 2-е изд., New York 1951, p. 93–215. О самом этом коде см. прежде всего: *Vilhelm Aubert*, *A Note on Love*, in: *его же*, *The Hidden Society*, Totowa, N.J., 1965, p. 201–235.
- ⁸³ А именно, системной истории, в высокой степени независимой от мировой истории и внешних вмешательств благодаря дифференцирующему коду любви, совершенно так же, как в рассмотренном выше (прим. 20) случае с допросами и дознанием. Окружающий мир рассматривается в качестве как бы только фона и материала для проявлений любви; в счет идет не само кино, а приглашение в кино.
- ⁸⁴ Лежащая в основе этого теоретическая программа зиждется на положении, что дифференциация системы на уровне общественной системы идет вслед за дифференциацией средств коммуникации. См.: *Niklas Luhmann*, *Generalized Media and the Problem of Contingency*, Ms. 1970. Краткое изложение этой темы см. также в кн.: *Habermas/Luhmann*, *op. cit.*, S. 342 ff., и в этой книге на с. 170 слл.
- ⁸⁵ См., напр.: *Аристотель*, *Топика* 117a 5 слл.
- ⁸⁶ См.: *Edmund Husserl*, *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie*, *Husserliana*, Bd. VI, Den Haag 1954. [*Эдмунд Гуссерль*. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология] См. также: *Hans Blumenberg*, *Lebenswelt und Technisierung unter den Aspekten der Phänomenologie*, Turin [Torino] 1963, а специально по недостаточно разработанной теме отношения Гуссерля к истории: *Hubert Hohl*, *Lebenswelt und Geschichte: Grundzüge der Spätphilosophie E. Husserls*, Freiburg/München 1962.
- ⁸⁷ См.: *Harold Garfinkel, Harvey Sacks*, *On Formal Structures of Practical Actions*, in: *John C. McKinney, Edward A. Tiryakian* (изд.), *Theoretical Sociology: Perspectives and Developments*, New York 1970, p. 327–366, особ. с. 348 слл.
- ⁸⁸ Подробнее см.: *Niklas Luhmann*, *Funktionen und Folgen formaler Organisation*, Berlin 1964, второй тираж 1972, S. 141 ff.
- ⁸⁹ См., напр., «Франкфуртер альгемайне цайтунг» от 16. 12. 1971, с. 2.
- ⁹⁰ Добротные социологические исследования этой связи см. в: *Alvin W. Gouldner*, *Patterns of Industrial Bureaucracy*, Glencoe Ill. 1954; *его же*, *Wildcat Strike*, Yellow Springs Ohio 1954; *Robert H. Guest*, *Organizational Change: The Effect of Successful Leadership*, Homewood Ill. 1962; *Oscar Grusky*, *Administrative Succession in Formal Organizations*, in: *Social Forces* 39 (1960), p. 105–115; *его же*, *Corporate Size, Bureaucratization, and Managerial Succession*, in: *The American Journal of Sociology* 67 (1961), p. 261–269; *его же*, *Managerial Succession and Organizational Effectiveness*, in: *The American Journal of Sociology* 69 (1963), p. 21–31.
- ⁹¹ К этому сводится тезис *Селзника* об «институционализации» формальных организаций, созданных на манер «карт-бланш», и о связанных с ними проблемах управления. См.: *Philip Selznick*, *Leadership in Administration: A Sociological Interpretation*, Evanston, Ill. — White Plains, N. Y., 1957.
Замечу, далее, что настоящий анализ ограничивается уровнем идентификации ролей и личностей, а не является полным очерком историчности организованных социальных систем. Сюда следовало бы добавить анализ соотносительности с историей через ценности и программы, т. е. того, что означает «жучок» для завода «Фольксваген» или «внутреннее руководство» для бундесвера.
- ⁹² В этом состоит их техническое превосходство над различными типами архаических отношений обмена. О последних см. особ.: *Marshall D. Sahlins*, *On the Sociology of Primitive Exchange*, in: *Michael Banton* (изд.), *The Relevance of Models for Social Anthropology*, London/New York 1965, p. 136–236.
- ⁹³ См. об этом: *Niklas Luhmann*, *Positivität des Rechts als Voraussetzung einer modernen Gesellschaft*, in: *Jahrbuch für Rechtssoziologie und Rechtstheorie* 1 (1970), S. 175–202. См. подробнее: *его же*. *Rechtssoziologie*, 2 Bde, Reinbek 1972.
- ⁹⁴ См. также: *Niklas Luhmann*, *Status quo als Argument*, in: *Horst Baier* (изд.), *Studenten in Opposition*, Bielefeld 1968, S. 74–82.
- ⁹⁵ Не приходится далеко ходить и за противоположными примерами. См., напр.: *C.H. Philips* (изд.), *Historians of India, Pakistan and Ceylon*, London 1961, особенно доклад *Р.Ч. Маджумдара* о «nationalist historians» [историках-патриотах (*англ.*)]. Эти примеры не доказывают, что невозможна масштабная нейтрализация, идущая вплоть до категориального аппарата и выбора тем.

- ⁹⁶ Это мой ответ на обвинение системной теории в неисторичности со стороны *Ренаты Майнц* (*Renate Mayntz*, Zweckbegriff und Systemrationalität. Zu dem gleichnamigen Buch von Niklas Luhmann, in: *Schmollers Jahrbuch* 91 (1971), S. 57–63). Ответ требует системно-теоретического анализа системной теории — именно той формы рефлексивности, которую *Рената Майнц* (с. 58) и, в более подробном изложении, *Юрген Хабермас* (см.: *Habermas/Luhmann*, op. cit., особ. с. 221 слл.) считают недостаточной для обоснования (!).
- ⁹⁷ См.: *Rare*, op. cit. (1966), а также: *его же*, Von den «möglichen Welten» zur «Welt des Möglichen»: Leibniz im modernen Verständnis, in: *Studia Leibnitiana Supplementa I*, Akten des Internationalen Leibniz-Kongresses Hannover 1966, Bd. I, Wiesbaden 1968, S. 266–287.
- ⁹⁸ См.: *Karl Löwith*, Die Dynamik der Geschichte und der Historismus, in: *Eranos-Jahrbuch* 21 (1953), S. 217–254 (230 ff.); далее: *его же*, Christentum und Geschichte, in: *Numen* 2 (1955), S. 147–155; *Karl Dietrich Erdmann*, Die Zukunft als Kategorie der Geschichte, in: *Historische Zeitschrift* 198 (1964), S. 44–67.